

ХРИСТИАНСТВО АТЕИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Н. БЕРДЯЕВ :

Марксизм и религия

Правда и ложь коммунизма

В. ИЛЬИН :

Материализм и материя

С. ФРАНК :

Материализм как мировоззрение

Второе издание

YMCA-PRESS

11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, Paris 5

Copyright YMCA-PRESS Paris

1969

Проф. Н.А. БЕРДЯЕВ

Марксизм и религия

Религия, как орудие господства и эксплуатации

Проф. Н.А. Бердяев

МАРКСИЗМ И РЕЛИГИЯ

Религия, как орудие господства и эксплуатации

I. ОСНОВЫ МАРКСИЗМА

1. Происхождение и философские основы марксизма.

Современная русская молодежь за рубежом только и знает о марксизме то, что он породил ужасы коммунистической революции, антирелигиозную пропаганду и гонения на Церковь. Плохо знает марксизм и молодежь внутри России, ибо невозможно хорошо знать то, что принудительно навязано сверху властью. Прежде у нас плохо знали православие, ибо оно так же навязывалось сверху, как теперь марксистская «политграмота». Православие у нас начали узнавать лишь с тех пор, как оно стало гонимо. Но необходимо серьезно вникнуть в марксизм, понять, почему он вдохновляет массы и почему порождает вражду к религии и церкви. Никогда не следует представлять противника в слишком элементарном и глупом виде. Это ослабляет в борьбе. Марксизм есть во всяком

случае очень серьезное явление в исторических судьбах человечества. И русский коммунизм имеет глубокие причины. Марксисты часто бывают плоски и тупы. Но сам Карл Маркс был гениальный и острый мыслитель классического типа. Классический марксизм очень устарел и уже совершенно не соответствует ни современной социальной действительности, ни современному уровню научных и философских знаний. «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса был написан в 1847 году. Взгляды Маркса сложились исключительно на основании опыта первоначального развития капитализма в Англии. Со времени смерти Маркса экономическое развитие Европы перешло в стадии, которые Марксом совсем не были предвидены. Социал-демократия принуждена была делать целый ряд поправок к Марксу. Русский же коммунизм возник в совершенно иной, неведомой Марксу исторической обстановке, в новом мире Востока, и он изменил марксизм до неузнаваемости, оставаясь верным лишь основному антирелигиозному духу марксизма.

Марксизм претендует быть цельным мирозерцанием, отвечающим на все основные вопросы жизни, дающим смысл жизни. Он есть и политика, и мораль, и наука, и философия. Он есть религия, новая религия, идущая на смену христианской. Настоящие, цельные марксисты по типу своему верующие догматики, они совсем не скептики и не критики, они испове-

дуют систему догматов. Догматизм, отрицающий свободу духа, есть самый тяжелый, крайний, фанатический. Христианство не думает, что можно достигнуть Царства Божьего без участия свободы человека, без согласия его на это, без внутреннего его духовного перерождения. Марксизм же думает, что грядущий совершенный социальный строй, «Царство Божье на земле», может быть достигнут не только без Бога, но и без свободы человека, путем насильственного применения к жизни марксистских догматов. Догматика марксизма имеет два источника — жизненный: социальную действительность Европы середины XIX в., и теоретический: германскую идеалистическую философию. Маркс вышел из Фихте, из Гегеля, он был так назыв. левым гегелианцем. Маркс и его главный соратник Энгельс любили говорить, что они хотят осуществить в жизни практически то, что немецкие идеалисты утверждали в мысли теоретически. Фихте учил о том, что субъект, «я» создает мир. Но это была лишь отвлеченная теоретическая мысль. Маркс и Энгельс требуют, чтобы субъект действительно создал мир, новый мир, покориł себе природу. Но субъектом, способным создать новый мир, у них стал пролетариат. Гегель учил о том, что действительное — разумно, и понимал под этим то, что в основе действительности лежит разум, что мышление и есть бытие. Маркс повернул эту мысль так, что действи-

тельность должна стать разумной, что нужно овладеть действительностью, пересоздать ее. Гегель учил, что в основе бытия лежит идея, которая развивается по диалектическому закону, переходя через тезис, антитезис и синтез. Мировая жизнь и есть не что иное, как обнаружение, разворачивание идеи, мысли. Диалектика есть греческое слово, первоначально означавшее искусство диалога и спора. Слово это применимо к логике, к процессу мысли. Гегель понимал под диалектикой закономерный процесс мысли, развивающейся вследствие раскрывшихся в ней противоречий. И если Гегель учил о диалектическом развитии мира, то потому только, что в основании мира для него лежала идея, мысль. Диалектика применима исключительно к мысли, к идее, к духу. Но Маркс «поставил диалектику с головы на ноги». Он признал, что в основе действительности, в основе бытия, лежит не мысль, не идея, а материя, материальный процесс. И он захотел применить диалектику к материи. Таким образом получился диалектический материализм. Маркс и Энгельс учат, что материальная действительность, лишенная разума и мысли, развивается по диалектическому закону, через противоречие. Таким образом то, что применимо лишь к логике, к мысли, к движению идей, они применили к материи и материальным процессам. Диалектический материализм, который представляет собой совершенно нелепое

и недопустимое словосочетание, означает открытие мысли, разума, смысла — в мертвой материи, которая мыслится, как случайное и бессмысленное столкновение атомов. Маркс остался верен гегелевской идее разумности действительности, но понимал это обратно Гегелю, т. е. думал, что в самой материи, лишенной мысли и смысла, лишенной зачатков духа, обнаруживается разум, мысль, смысл.

Диалектическое развитие всегда обнаруживает раскрытие смысла, разума. Но как обнаружить его в мертвой и бессмысленной материи? Маркс хотел опрокинуть идеализм Гегеля и думал, что своим материализмом он достигает большого научного и философского прогресса. Но он достигал этого лишь тем, что вносил гегелевский идеализм или панлогизм в самые недра материи. Он наивно верил в разумность материи и материального процесса, в разворачивающийся из материи смысл. Но материализм, представляющий себе материю как столкновение атомов, совершенно не соединим с диалектикой. Из столкновения атомов никогда не может раскрыться смысл, разум. Материя по природе своей пассивна, инертна, неспособна к творческому развитию. Активен дух, а не материя. Марксисты же наивно связывают активность с материей, а пассивность с духом. Маркс мало интересовался вопросами обще-философскими и интерес его был исключительно направлен на социальную действи-

тельность. И вот в социальной действительности, в основании которой, по его учению, лежал материальный процесс, раскрывается диалектическое развитие, т.е. логика, смысл, закономерно разворачиваются противоречия и примиряются в высшем синтезе. Чисто материальный социальный процесс направлен к высшей цели, к высшим формам общежития, к социальной справедливости, к торжеству разума в действительности. Такова была вера Маркса, но никаких научных и философских оснований для такого рода учения не могло быть. Материальный процесс, природный или социальный, сам по себе бессмыслен, неразумен и ни к каким высшим формам жизни привести не может. Никаких разумных оснований для такого рода оптимизма привести нельзя. Для того, чтобы утверждать диалектическое развитие, которое ведет к высшим состояниям и раскрывает какой-то разум и смысл, нужно допустить, что в основании действительности лежит разум, духовное начало, начало смысла. В действительности марксизм никогда не смог стать чистым материализмом, который вообще немислим. Он остался проникнутым элементами идеализма, унаследованными от германской философии, и сохраняет их, как контрабанду. Марксистский диалектический материализм есть извращенная форма идеализма. Для него в основной действительности лежит не столкновение атомов материи и не слепой и неразумный

материальный процесс, а *идея*, в которую марксисты фактически верят, и развитие, неотвратимо ведущее к торжеству этой *идеи*. Философские основы марксизма противоречивы, недодуманы до конца и наивны. Чисто материалистическое истолкование марксизма, которое русский коммунизм признает обязательным в действительности нелепо и философски безграмотно. В современной науке и философии материализма более не существует. Более прилично и грамотно прагматическое истолкование марксизма.

2. Основная идея марксизма.

В марксизме есть две стороны: объективная и субъективная. И две идеи вдохновляют верующих марксистов. Первая из этих идей лежит в основании марксистской социологии и философии истории. Учение марксизма есть прежде всего материалистическое понимание истории, которое называют то историческим материализмом, то диалектическим материализмом, то экономическим материализмом. Философские основы этого учения недостаточно обоснованы и приняты на веру. Но основная идея исторического материализма проста и должна производить впечатление большой правдоподобности. По учению Маркса, дальше развитому Энгельсом, в основании исторического процесса лежит развитие материальных произ-

водительных сил. Жизнь общества есть не что иное, как коллективная борьба человека с природой за жизнь, за удовлетворение своих насущных потребностей. Человек борется со стихийными силами природы для добытия себе пищи, жилища, одежды, всего того безотлагательного, без чего он жить не может. Он организует общественную жизнь сообразно способам борьбы. Социальный строй определяется формами производства и обмена. Хозяйственный процесс, экономика, есть результат воздействия человеческого труда на природу для поддержания и развития жизни. Поэтому *экономика есть базис социальной жизни*. Подлинная и единственная первородная жизнь и есть экономика, хозяйство, производительный труд. Все остальное есть лишь отражение или «настройка» над этим реальным «базисом». *Духовная жизнь человека, идеология есть всегда отражение экономики, форм производства, она не имеет реальности в себе*. Для марксизма характерно, что религиозные верования, философские идеи, нравственное сознание, художественное творчество рассматриваются, как иллюзия, самообман сознания. Религия, философия, мораль, искусство лишь обманно отражают в сознании хозяйство, экономическую жизнь, которая и есть единственная подлинная реальность. Бытие определяет сознание, а не сознание бытие. Но единственное подлинное бытие и жизнь человеческого общества есть

экономика, производственный труд, борьба за поддержание жизни. И это экономическое, хозяйственное бытие и определяет всякое сознание, сознание религиозное, философское, нравственное, художественное. Слабость человека в борьбе с природой, недостаточная организованность человеческого труда и распадение общества на классы, из которых один класс эксплуатирует другой, порождают иллюзии религиозные и идеологические. Так в религиозных верованиях иллюзорно отражаются отношения господства, существующие в человеческом обществе, рабство человека у природы и человека у человека, класса у класса. То, что мы называем духом и духовной жизнью, есть не что иное, как иллюзия сознания, порожденная слабостью человека, недостаточным развитием производительных сил, социальным угнетением. Для Маркса основным является то убеждение, что сознание людей долгие тысячелетия, почти всю историю, находилось в состоянии иллюзии и самообмана, оно держалось обманчивыми верованиями и идеями. И он видел свою великую миссию в том, чтобы разоблачить обман, ниспровергнуть иллюзию. Он хотел разоблачить эту пустую ложь, небытие, сорвать все покровы. Конечно, Маркс никогда не разделял грубой и наивной идеи философии XVIII века, что религия создана сознательным обманом жрецов. Для этого его мирозерцание было слишком историческим и эволюционным,

он прошел школу Гегеля. Иллюзия сознания не есть сознательный обман, это необходимая иллюзия, порожденная процессом социального развития. Религиозные и идеологические иллюзии даже нужны были человеческому обществу в его борьбе за жизнь. Но слабость, лежащая в основе всех иллюзий, должна быть побеждена возрастанием организованной мощи человека, развитием его производительных сил. Когда человеческое общество до максимума разовьет производительные силы, когда оно настолько совершенно организуется, что в нем будет окончательно преодолено разделение на классы и эксплуатация одного класса другим, тогда отпадут все иллюзии, порожденные слабостью человека, иллюзии религиозных верований и идеологических теорий. Так называемое буржуазно - капиталистическое общество для Маркса было обществом неорганизованным, анархически-хаотическим; общество это основано на игре противоположных человеческих интересов, и силы человека в нем ослаблены этим столкновением противоположных интересов. Будущее социалистическое общество будет окончательно организованным и регулируемым, в нем коллективный разум человечества окончательно овладеет и стихийными силами природы и стихийными силами самого общества. Тогда идеологические « надстройки » падут, и обнаружится подлинная реальность жизни. Общество откровенно станет организо-

ванным хозяйством и будет признавать лишь то, что служит целям и интересам этого хозяйства. Отсюда вытекает положительный пафос марксизма, представляющий его объективную сторону. *Марксизм вдохновлен и вдохновляет возрастанием организованной власти социального коллектива над миром.* Марксизму в высшей степени свойственна любовь к мощи, к власти, он империалистичен. Марксизм вдохновлен не состраданием к униженному, бедному, слабому пролетариату, а преклонением, обоготворением сильного, богатого, властвующего над миром пролетариата. В отличие от русского народнического социализма, который вдохновлялся состраданием к народу и жертвой во имя его освобождения и спасения, марксистский социализм вдохновляется силой, мощью, властью. Сильный и властвующий над миром, организованный пролетариат и есть земной бог, который должен заменить Бога христианского и убить в человеческой душе все старые религиозные верования.

В материалистическом понимании истории есть несомненная доля истины, которую должны признать и противники марксизма. Экономика есть основа человеческого общества, без которого оно существовать не может. Истина экономического материализма выражена еще в Библии. Человек обречен в поте лица своего добывать хлеб свой. Власть экономики над человеком есть следствие греха. После гре-

хопадения райское хозяйство уже невозможно, и человек должен нести бремя труда, как проклятие. Но марксизм смешивает необходимые условия человеческого существования с реальной сущностью, ценностью и смыслом этого существования. Я не могу писать философскую книгу, делать научные открытия, творить художественные произведения, производить нравственные оценки, если я не буду питанием поддерживать свою жизнь, одеждой прикрывать свое тело, иметь хоть какое-нибудь жилище. Потребность в пище более безотлагательная потребность, чем потребность в познании и духовном творчестве. Физиологические процессы моего организма являются необходимыми условиями и моей умственной и духовной жизни. Без этих физиологических процессов, без удовлетворения элементарных нужд моего организма прекратится не только мое философствование и мое духовное творчество, прекратится моя жизнь. Но отсюда никак нельзя сделать выводы, что мое мышление и познание, моя духовная и нравственная жизнь порождены физиологическими процессами организма и являются отражением процессов питания и элементарного поддержания жизни. Безотлагательное условие жизни не есть причина, порождающая всю полноту жизни. Человеческое общество не может существовать без хозяйства, без экономического развития, без удовлетворения своих насущных и безотлагательных

потребностей, без того, что можно было бы назвать физиологией общества. Но отсюда никак нельзя сделать заключение, что хозяйство, экономическое развитие, удовлетворение насущных потребностей общества порождает духовную и умственную жизнь общества, что физиология общества порождает психологию общества. Процессы питания, голод или излещество, могут искажать духовную и умственную жизнь человека, но не могут их порождать и определять. Опыты объяснения идеологии, « надстройки » из экономики, из « базиса », которые делают марксисты, представляют смехотворное и жалкое впечатление, они компрометируют даже ту сторону исторического материализма, в которой есть доля истины. Но обычно марксисты не непосредственно выводят « идеологию » из экономики. Экономический производственный процесс создает классовый социальный строй общества. Распадение общества на помещиков и крестьян, на капиталистов и пролетариев вызвано потребностями производственного процесса, служит развитию производительных сил. Каждый социальный класс имеет свою особую психику, определенную его экономическим положением, а эта особая социальная психика уже определяет его идеологию, его религию, философию, нравственное сознание и т.д. Поэтому идеология, согласно марксистскому учению, всегда является классовой, — по иному мыслит помещик, землевладелец, крестьянин,

буржуа-капиталист, мелкий буржуа-собственник, фабричный рабочий. Но единственное, что таким образом удастся доказать марксистам, это лишь то, что состояние сознания людей и их идеология подвергаются воздействию и искажению со стороны их классового положения, что их мышление извращается их классовыми интересами. Это действительно бывает и играло не малую роль в истории. Так и мышление отдельного человека и его духовная настроенность может искажаться и подавляться голодом или обжорством, нищетой или роскошью.

Но никто никогда не мог показать, что открывалась истина в научном и философском познании, что творилась красота, что добро торжествовало в нравственной жизни, что божественный свет благодатно озарял человеческую душу в результате экономических процессов и классовых интересов людей, как порождение экономики и классового строя общества. Утверждение, что дух есть отражение или порождение материи, возможно лишь в форме фигуральной, и оно никакого точного познавательного значения не имеет. Марксистские выражения «базис» и «надстройка» есть лишь условная фигура, сравнение. Но базис совсем не порождает надстройки, и надстройка не является отражением базиса. Этого мы совсем не видим, когда на фундаменте строится дом. Характер комнат дома и жизнь в нем совсем не определяется базисом, фундаментом, хотя без

него дом и невозможен. Наконец, нужно сказать, что сама экономика, хозяйство есть порождение человеческого труда, человеческий же труд предполагает психику человека, и качество его определяется духовными и нравственными свойствами людей. Экономика целиком протекает в психической среде и не есть явление материальное, подобно явлениям физического мира. Если духовная жизнь человека зависит от экономики, то и сама экономика зависит от духовной жизни человека. Дисциплина труда целиком зависит от духовных и нравственных качеств людей. Выдающиеся социологи и экономисты (М. Вебер, В. Зомбарт) исследовали более глубоко, чем Маркс, и с большим соответствием с современным состоянием научных и философских знаний, зависимость между экономической и религиозной жизнью. Можно считать научно установленным, что экономика зависит от религиозной жизни и определяется ею, ибо экономики нет без самого человека, как целостного существа, без участия всех его сил в его труде. Так, напр., доказано, что протестантизм в форме кальвинизма сыграл определяющую роль в развитии капитализма и промышленности. И по сравнению с современными исследованиями в этой области Маркс и Энгельс кажутся страшно отсталыми и старомодными, людьми отошедшего века, представителями середины XIX в.

3. Религия — опиум для народа и орудие эксплуатации.

К. Маркс был страстным атеистом. Менее всего принадлежал он к людям безразличным к религии. Он пытался дать философское и научное обоснование своему атеизму. Обоснование это в основе своей неоригинально и заимствовано у Л. Фейербаха. Л. Фейербах, автор прославленной в свое время книги «Сущность Христианства», был левым гегелианцем, в лице которого германский идеализм перешел в материализм. Фейербах создал антропологическую теорию религии, согласно которой теология, т.е. учение о Боге, есть не что иное, как антропология, т.е. учение о человеке. Человеку представляется, что его собственная природа, его собственные высшие стремления и желания, есть природа над ним находящаяся, т.е. Бог. Человек выбрасывает во вне, объективирует самого себя, создает Бога по своему образу и подобию. Фейербах говорит: бедный человек имеет богатого Бога. Это значит, что свои богатства человек переносит на Бога и сам их лишается. Эти богатства должны быть возвращены человеку, ему должна быть возвращена его собственная высшая природа. Вера в Бога обирает человека, обедняет его. Религия мешает реальному осуществлению человеческих стремлений и желаний, осуществлению его силы и счастья на земле. Религия переносит всё в ил-

люзорную, призрачную сферу. Не имея возможности реально осуществить свои желания в земной жизни, несчастный человек представляет себе, что они осуществляются на том свете, на небе. Религиозная вера и есть выражение бессилия человека осуществить свои желания. И для того, чтобы человек действительно мог осуществить желание полноты жизни, нужно устранить религиозную веру, как препятствие на его пути. Л. Фейербах был самым замечательным представителем атеизма в европейской философии XIX века. Маркс применил взгляд Фейербаха на религию к социальной жизни. В ранней своей работе «Введение в критику философии права Гегеля» Маркс определил свое отношение к религии. Там и сказана знаменитая фраза, которая красуется сейчас на всех советских заборах, — «религия есть опиум для народа». Маркс начал с того, что признал основной задачей освобождение рабочего класса и человечества — освобождение от религиозной веры. Религия мешает освобождению, могуществу, реальному благу человека, она поработывает его призрачным благом, держит его сознание во власти иллюзий. Религия отражает реальное несчастье людей и дает воображаемое их счастье. Для достижения реального счастья нужно освободиться от воображаемого счастья, от религиозного самообмана. Религия всегда есть выражение бессилия человека, помеха на путях приобретения силы. Поэтому она есть

опиум для народа. Религия есть также оправдание и орудие эксплуатации человека человеком, класса классом. Религия отражает и оправдывает отношения господства в человеческом обществе, представляя себе Бога, как главного господина. Она всегда мешала классам угнетенным, поработленным, бедным, трудящимся восстать против своих поработителей и угнетателей, обещая им награду на небесах. Религия всегда оправдывала существующее зло, несправедливость, реальное несчастье людей, внушая им веру в возможность лишь небесного счастья. Религиозная вера мешала возрастанию активности человека, его мощи, организации социальной жизни. Религия противоположна тому коллективному, социальному разуму человечества, который должен активно организовывать и регулировать всю человеческую жизнь. Социальные интересы классов господствующих, эксплуатирующих поддерживают религиозные верования, согласно которым человек угнетенный, бедный, несчастный, должен терпеливо выносить свою жизнь.

Маркс верил, что в основании истории лежит эксплуатация, угнетение одного класса другим. На почве этой эксплуатации образовались и государство, и право, и социальная организация общества, и моральное сознание, и религиозные верования, и все идеологии. «Сознание» определяется «бытием», «бытие» же и было эксплуатацией класса классом. У уг-

нетателей этот факт отразился в сознании по-разному, у угнетенных — по-другому. Некоторые марксисты, например, Каутский, пытались объяснить самое происхождение христианства, как результат настроений угнетенных, низших классов того времени, которые не могли найти реальных выходов из своего бедственного положения и искали небесных утешений. Первохристианство было идеологией бедных. Таким образом выходит, что христианство первоначально было «орудием эксплуатации», созданным эксплуатируемыми, а не эксплуатирующими. Лишь позже оно превращается в сознательное орудие эксплуатирующих. Но что бы ни писали марксисты о религии, а часто они пишут вещи совершенно смехотворные, особенно русские марксисты, всегда они предполагают, что основной и наиреальнейший факт человеческой жизни есть факт эксплуатации, угнетения. Это есть основной миф марксизма, всё от него исходит и к нему сводится. Отсюда злоба и ненависть, которыми полны Маркс и марксисты. Они совершенно не способны мыслить объективно, беспристрастно, мысль у них всегда подчинена воле и чувству. Вера Маркса в эксплуатацию, как основной и определяющий факт общественной жизни, может быть сравнена с христианской верой в первородный грех. Эксплуатация человека человеком есть первородный грех всей мировой истории, он заражает всю историю, всё мышление, всю веру,

всю идеологию. Но разница с христианством та, что оно предлагает человеку видеть грех прежде всего в самом себе, марксист же видит грех всегда в других. Особенно наполнено злобой всё, что писал Ленин о религии. По сравнению с грубостью Ленина, Маркс был очень культурным, тонким, философски углубленным мыслителем и писателем.

Постоянные декламации марксистов об эксплуатации, ненависть и злоба против злодеев-эксплуататоров, которые сеют его фанатические адепты, нисколько не оправдываются самим теоретическим мирозерцанием марксизма. По Марксу, в основе общественной жизни лежит производственный процесс, развитие материальных производительных сил. Состояние производительных сил, т.е. степень власти человека над стихийными силами природы, создает известный социальный строй и взаимоотношение классов. Классовое неравенство является необходимым результатом производственного процесса. Так, в известную историческую эпоху для развития производственных сил, для поддержания жизни общества, необходимо существование рабства или крепостного права, оно даже благостно, в другую эпоху необходимо существование капиталиста-буржуя и фабричного пролетариата, продающего свой труд. Таким образом, разные формы эксплуатации класса классом для Маркса оказываются оправданными и прогрессивными. Осуждает он

лишь такие формы эксплуатации, которые уже не соответствуют требованию развития производительных сил. Капиталистической буржуазии, которая и есть по преимуществу класс эксплуататоров, Маркс приписывает даже великую прогрессивную миссию в истории, она больше всего способствовала развитию материальных производительных сил, развитию промышленности, без которого не было бы пролетариата и невозможна была бы победа социализма. Маркс, как теоретик, осуждал капиталистический строй не потому, что он несправедлив и безнравствен, а потому, что с известного момента он мешает дальнейшему развитию производительных сил общества, т.е. становится экономически реакционным. Каутский в «Эрфуртской программе», которая стала катехизисом немецкой социал-демократии, говорит, что если бы социалисты убедились, что социалистический строй мешает развитию материальных производительных сил, то они отказались бы от социализма и стали за строй, который развивает производительные силы. Мысль очень марксистская, но абсолютно осуждающая русский коммунизм.

Нужно признать, что опыт практического применения марксизма в России привел к антирелигиозной пропаганде и гонениям на церковь с внутренней неизбежностью. Антирелигиозный и антихристианский дух был заложен в учении Маркса и составлял его внутренний

пафос, его движущий мотив. Марксизм в гораздо большей степени противоположен христианству, чем капитализму. Он целиком исходит из капитализма и заражен духом капитализма, он стоит с ним на одной почве. В действительности, марксистский социализм идет на смену христианства. Марксистский социализм сам хочет стать религией, имеет религиозные претензии и ненавидит ту религию, которую хочет заменить. Он есть восстание земного, человеческого царства, против царства Божьего, царства небесного. Но мы, христиане, должны бесстрашно признать, что христианство, искаженное людьми в истории и приспособленное к их интересам, действительно дает поводы к построению теории, что «религия есть орудие эксплуатации». Христианство, или вернее христиане, действительно часто защищали богатых и сильных мира сего, действительно оправдывали существующее социальное зло и несправедливость. На том основании, что первородный грех непобедим, церковные люди не хотели улучшения социальной жизни людей. В заражении рабочего класса атеизмом, в антирелигиозной пропаганде виноваты не только коммунисты, но и старые христиане, и старые грехи, и лицемерие христианского мира. Христиане мало думали об осуществлении Христовой правды в жизни. Осуществление социальной правды взяли на себя силы враждебные христианству. И это великий укор для хри-

стиан, предостережение и угроза. Истина христианства не может быть классовой, но может быть и бывало классовым искажение истины христианства. И в том, что социалистическое рабочее движение соединялось с атеизмом и материализмом, не мало виновато классовое искажение истины христианства, обращение его в орудие земных, государственных и социальных интересов и целей.

4. Противоречия марксизма.

В основании материалистического понимания истории лежит истребляющее его противоречие. Всякую идеологию Маркс считает отражением экономических отношений, всякую теорию связывает он со служением интересам того или иного класса. Поэтому, все существовавшие до сих пор идеологии и теории относительноны и не могут претендовать на истину. Исторический материализм разоблачает прозрачный и исключительно служебный характер всех идеологий, всех существовавших до сих пор философских учений и религиозных верований. Подлинная реальность, подлинная жизнь была в экономике, в хозяйстве, идеи же были лишь рефlekсами экономики. Но тогда, естественно, возникает вопрос: ну, а идеология самого Маркса и марксистская теория, что это такое? Не есть ли исторический материализм самого Маркса тоже лишь отражением экономических отношений Европы середины XIX в.,

не имеет ли он лишь очень относительное и служебное значение, как выражение интересов рабочего класса в его борьбе с капиталистической эксплуатацией? Может ли марксистская теория претендовать на общеобязательность, на истинность? Вопрос этот, с философской точки зрения, для марксизма является роковым. Если к самой идеологии марксизма применить основные положения материалистического понимания истории, то идеология эта делается столь же иллюзорной, рефлекторной и ошибочной, как и все остальные идеологии в истории человеческой мысли. Теория исторического материализма сама себя подкапывает. Для теории этой никакой общеобязательной истины не существует, всё что представляется людям истиной, есть лишь отражение их нужд и интересов, и прежде всего нужд и интересов экономических. И то, что выгодно пролетариату, несколько не более есть истина, чем то, что выгодно буржуазии; такого рода истины друг друга стоят. Как смотрел на это сам Маркс? Согласно принятой философской терминологии, марксистская теория есть релятивизм, т.е. точка зрения, отрицающая абсолютную истину и признающая все истины относительными и изменчивыми. Но совершенно несомненно, что сам Маркс и ученики его претендуют на неизмеримо большее, чем на идеологию, отражающую временную и преходящую экономическую действительность XIX века. Маркс

верил, что ему удалось найти ключ к пониманию тайны исторического процесса. До явления его, Маркса, исторический процесс был погружен во тьму и отражался в сознании людей в форме разнообразных иллюзий. Но вот, в середине XIX века появился человек, которому впервые удалось бросить ослепительный свет на тайну исторического процесса, разгадать эту тайну. Маркс и марксисты по психологическому своему типу претендуют быть открывателями какой-то абсолютной истины, ведомой лишь им. Учение марксизма, материалистическое понимание истории не есть только отражение экономических интересов и выражение экономических интересов, но есть сама истина, есть подлинное разоблачение тайны истории. Маркс никогда не согласился бы уравнивать свою собственную теорию со всеми другими теориями перед лицом открывшейся истины о том, что всякая идеология есть лишь «надстройка» над экономикой. Его собственная теория, его собственная идеология не есть уже «надстройка», но есть сама истина. До Маркса все было во тьме иллюзий и самообманов сознания. Но после него наступает новая эра, — эра открывшейся истины. И истина самого Маркса есть уже не только классовая, не только пролетарская истина, но истина общечеловеческая, истина обязательная для всех, хотя открыта она была пролетарским сознанием.

Как бы ни ответить на поставленный нами вопрос, теория исторического материализма разрушается от внутренних противоречий. Если теория исторического материализма есть, как и всякая теория, лишь отражение экономических отношений, лишь «надстройка», если она относительна и служит временным интересам, то она не может претендовать на какую-то особенную истинность и обязательность и уравнивается со всеми остальными теориями. Она делает открытие, которое ее же делает сомнительной. Если же теория исторического материализма есть уже открывшаяся истина, имеющая общеобязательное и безотносительное значение, если ей действительно ведома тайна истории и судеб человечества, то значит существует абсолютная истина, то значит не всякая идеология есть «надстройка» над экономикой, то истина исторического материализма себя же опровергает. Марксисты над этим не задумываются оттого, что они верующие догматики и всякую философскую критику считают «ересью», которую нужно не опровергать, а насильственно пресекать. В марксизме есть научный элемент, но в целом он есть религиозное верование, он претендует на мировую миссию освободителя и спасителя человечества. Материализм есть лишь оболочка марксизма, которую он считает выгодной в борьбе с христианством и религией, но внутренне он есть новая религия. С точки зрения

научной, марксизм может быть признан отражением состояния капиталистического общества Европы XIX века, известной стадии капитализма и борьбы с ним рабочего класса и притом в западно-европейских условиях, не более. Маркс распространил свои обобщения, выработанные в результате наблюдений над ограниченной во времени и пространстве формой капиталистической промышленности, на всю всемирную историю, на все времена и народы. Он довольно верно отразил «экономизм» своего века, ослабление духовности, обострение классовой борьбы, не подчиненной уже никаким духовным и нравственным началам, и он признал этот «экономизм» основой всей человеческой жизни и цинически обрадовался этому открытию. Марксизм был патологией, а не физиологией человеческого общества, он отражал болезни общества и много верного о них сказал, но нормальные, здоровые функции общественного организма были для него закрыты. К прежним обществам и культурам совсем не применимо то, что Маркс утверждал о капиталистическом обществе XIX века, в них совсем не преобладал «экономизм».

Другое противоречие марксизма связано со смешением научной, объективной и моральной, субъективной точек зрения. Маркс называл свой социализм «научным социализмом» в отличие от «социализма утопического». Он не хочет применять моральных оценок к социаль-

ной жизни и решительно отрицает различие между добром и злом, претендующее на безусловное значение. Так называемый этический моральный социализм, исходящий из идеи справедливости и социальной правды, Маркс презирал и считал буржуазным. Социализм самого Маркса будет результатом необходимого социального процесса, необходимого развития материальных производительных сил, его породит экономическая производственная необходимость. Социализм хорош для Маркса потому, что он развивает производительные силы, увеличивает мощь человека. Социализм есть мощь, сила, а не нравственная правда и справедливость. Нравственное сознание, нравственное чувство не играют никакой роли в возникновении и торжестве социализма. Он явится в результате социальной классовой борьбы, не имеющей никакого нравственного смысла. Социализм хорош для Маркса совсем не потому, что он есть добро, нравственно должное, а исключительно потому, что он есть последующая, грядущая стадия экономического процесса. Хорошо то, что необходимо, что имеет большую силу. Маркс поклонялся необходимости, и сам он последовательный аморалист в теории, равнодушный к различию между добром и злом, справедливостью и несправедливостью, правдой и неправдой. Добро, правда, справедливость и есть то, что несет с собой необходимость, за чем стоит сила. Теория

марксизма не оставляет никакого места для нравственной оценки и нравственного негодования, для самого различия между справедливым и несправедливым. И вместе с тем Маркс и марксисты полны нравственного негодования против социальной несправедливости и страстно обличают злодеев эксплуататоров, « буржуев ». И особенно склонны к этому Ленин и русские марксисты, которые совершенно не способны ни о чем говорить в объективном научном тоне. На практике марксизм оказывается крайним социальным морализмом. Даже когда марксисты пишут исторические книги о прошлом, они заняты нравственными обличениями и негодуют против эксплуатации, против социального гнета и несправедливости, они видят правду и добро лишь у трудящегося класса. То, что они сами признают экономически необходимым и социально полезным, вызывает в них нравственный протест, негодование, обличение, ненависть и злобу. Но на каком основании, по какому праву? Повсюду видит марксизм в теории эксплуатацию класса классом и отражение этой эксплуатации в сознании, в идеях. Тут мы встречаемся с крайне некритическим смешением научной и моральной точек зрения в марксизме.

Эксплуатация есть моральная категория, есть морально предосудительное, дурное отношение человека к человеку. Эксплуатация совсем не есть категория экономическая, между

тем как Маркс совершенно смешивает категории моральные и экономические. Для него эксплуатация есть экономическое явление и, как всякое экономическое явление, она есть результат необходимого экономического процесса. Непонятно, почему с марксистской точки зрения эксплуатация должна вызывать нравственное негодование? Помещики эксплуатируют крестьян, буржуазия эксплуатирует рабочих в силу экономической необходимости, это оказывается требованием производства. Почему это плохо, почему против эксплуатации негодовать? Понятно, что христиане могут негодовать против эксплуатации, как против нравственно дурного отношения человека к человеку, но почему негодуют марксисты, принципиальные аморалисты, отрицающие различие между добром и злом? Рабочий может восставать против эксплуатации с точки зрения своих экономических интересов. Но откуда является нравственная оценка и нравственное негодование?

Марксизм, и особенно последовательный коммунистический марксизм, исходит из морального догмата о равенстве и все оценивает с точки зрения этого догмата. С философской точки зрения марксизм оказывается самым наивным смешением происхождения явления и оценки явления, необходимости явления и справедливости явления. Поэтому марксизм всегда утверждает, что он стоит за необходимость, а в

действительности делает оценку. Марксизм делает вид, что социализм будет результатом экономической необходимости, в действительности же социализм для него есть добро, справедливость, победа над эксплуатацией. Марксизм делает вид, что буржуазно-капиталистический строй был результатом экономической необходимости и потому экономически оправдан, в действительности же он его считает злом, несправедливостью, воплощением греха эксплуатации. У Маркса было свое нравственное учение. Этика Маркса основана на том, что величайшее добро осуществится через величайшее зло, что свет рождается от сгущения тьмы. Зло капитализма должно возрастать, положение рабочих должно ухудшаться и рабочие должны озлобляться, тогда зло уничтожится, капитализм лопнет и явится добро социализма. Социалистический свет явится от сгущения капиталистической тьмы. Из злых инстинктов рабочих, из озлобления, ненависти, мести, насилия, должен родиться совершенный, справедливый, добрый социальный строй. Чем злее будут рабочие, чем беспощаднее борьба, тем совершеннее будет грядущий социальный строй. Марксизм движется утопической верой, что путем необходимого социального процесса и путем нарастания зла в капиталистическом обществе может быть преодолен грех и зло эксплуатации. Но зачатков добра, правды, духовной просветленности марксизм не видит нигде. Добро всегда достигается злыми путями.

II. РЕЛИГИЯ МАРКСИЗМА

1. Идея мессианства пролетариата.

Сердцевины марксизма нужно искать совсем не в той его стороне, которую можно назвать объективно-научной, эволюционной, обращенной к развитию материальных производительных сил. Не это делает его религией и вдохновляет движение масс. Их не могла бы вдохновить идея экономического развития. В марксизме живут две души, и этим создается то его логическое и нравственное противоречие, которое мы пытались вскрыть. Субъективная, нравственная и религиозно вдохновляющая сторона марксизма связана с идеей мировой миссии пролетариата, с классовой борьбой и абсолютной справедливостью, к которой эта борьба приведет. Идея мессианства пролетариата, вера, что пролетариату принадлежит особенное посланничество в мире, что он призван освободить человечество, привести его к силе и счастью, разрешить все мучительные вопросы жизни, есть самое оригинальное создание Маркса. И до него многие высказывали мысли, близкие к экономическому материализму, говорили о борьбе классов в истории. Но только Маркс с гениальной остротой выразил идею, что пролетариат есть мессия, освободитель и спаситель человечества. Древний еврейский народ, Израиль, верил, что он из-

бранный народ Божий, что в его недрах явится Мессия, Посланник, Спаситель, который приведет его к царству Божьему. Мессианский народ обладает свойствами, непохожими на свойства всех остальных народов земли, он народ исключительный, он ближе к Богу и знает истину, которой не знают другие народы. Маркс был еврей и в его подсознательном, как в подсознательном всех выдающихся евреев, жило это древне-еврейское мессианское сознание. Он оторвался от религиозных корней еврейского народа, потерял веру в Бога, стал материалистом. Но духовный облик человека совсем не определяется его умственными теориями. В глубине Маркс остается евреем, верующим в мессианскую идею, в наступление «царства Божьего на земле», хотя и без Бога уже. Он принадлежит к тем евреям, которые отвергли Христа, не узнали в нем Мессии и ждут Мессию в грядущем, Мессию, который осуществит царство справедливости и блаженства на земле. Он исповедует в секуляризованной, т.е. оторванной от религиозных корней, форме древне-еврейский хилиазм, т.е. ожидание наступления чувственного тысячелетнего царства Божьего на земле. Но Израиль, избранный народ Божий, у Маркса есть уже не еврейский народ, а пролетариат. Мессия, отвергнутый еврейским народом, был распят на кресте смертью раба, он не осуществил правды, справедливости, блаженства, силы на земле. Царство Его было не

от мира сего. Новый мессия явится в силе и славе, осуществит все мессианские надежды, его царство будет царством мира сего. Такой мессия явился в лице пролетариата, класса фабричных рабочих, и Маркс открыл его. Это открытие сообщает самому Марксу мессианское призвание. Пролетариат и есть избранный народ Божий, на него Маркс перенес все свойства мессианского народа и даже приписал ему свойства более высокие, чем древнему Израилю. Пролетариат свободен от первородного греха эксплуатации, в то время как все другие классы поработены этим грехом. Пролетариат чист, он явит собой высший нравственный тип грядущего человечества. В нем раскроется настоящая сущность человека, сущность труда. Пролетариату открывается истина о материалистическом понимании истории, о борьбе классов, о создании всякой ценности трудом, о его собственном призвании. Пролетариат должен развить организующую силу человека и привести его к экономической победе над природой и над социальной анархией, свойственной обществу буржуазно - капиталистическому. Пролетариат изобличит все иллюзии и самообманы, свойственные прежнему человечеству, распадавшемуся на классы. Пролетариат прекратит борьбу классов и упразднит самое существование классов, объединит человечество и приведет его к гармонии. Торжество мировой пролетарской революции будет прыжком из царства необхо-

димости, в котором жило человечество раньше, в царство свободы, которое начнется с социализма. Поэтому с торжества пролетариата начнется подлинная история, до него же было лишь введение в историю. Торжество пролетариата разрежет всемирную историю пополам. Начнется новая мировая эра. Интересы пролетариата совпадают с интересами всего человечества. Сознательный пролетариат и есть единственное настоящее человечество.

Ясно, что такого рода свойства пролетариата не могли быть открыты объективной наукой. Наука никогда такого рода вещей открыть не может, это может лишь быть предметом веры. Вера, по определению Апостола Павла, есть обличение вещей невидимых. Пролетариат, который открылся взору Маркса и марксистов, и есть невидимая вещь, чувственному взору, научному познанию он не открывается. Пролетариата, или класса фабричных рабочих, как единого целого, обладающего одинаковыми свойствами, совсем не существует. В разные времена и в разных странах, в разных областях труда, пролетариат обладает разными свойствами, разными интересами и настроениями. Марксизм имеет дело не с фактическим пролетариатом, каким он является в истории, а с «идеей» пролетариата. Марксизм верит в «идею» пролетариата, с которой может совсем не совпадать рабочий класс в разных своих проявлениях. Метод марксизма совсем не есть

метод эмпирический. Марксизм как целостное миросозерцание, совсем не основан на историческом опыте и историческому опыту противоречит. Он исходит из положений, принятых на веру. Идея мессианства пролетариата имеет в себе все признаки религиозной веры. Эмпирические, фактические свойства пролетариата не дают никаких оснований для такого рода веры в «идею» пролетариата. Фабричный пролетариат, действительно, находится в тяжелом и угнетенном положении, и во времена Маркса положение его было особенно плохим. Эксплуатация труда рабочих действительно существует. Фабричный труд безрадостен, не оставляет свободного времени для умственного и культурного развития, он озлобляет людей, влечет к физическому вырождению, изолирует и от радостей, связанных с природой, и от радостей, связанных с культурой. Положение рабочего класса действительно может вызвать негодование против буржуазно-капиталистического общества. Но можно ли отсюда вывести веру в «идею» пролетариата и в его мировую миссию? Фабричный котел есть плохая нравственная школа. У фабричных рабочих настолько отсутствует всякое образование, культурный уровень их так низок, что они никогда сами не могли бы создать и социалистической идеологии. Социализм создан выходцами их буржуазных образованных классов. Маркс не был пролетарием, не был им и Ленин. Марк-

сизм же утверждает не только то, что пролетариат эксплуатируется, находится в тяжелом положении, лишен благ умственной и культурной жизни, унижен и бесправен, — он утверждает, что пролетариат находится в духовно, умственно и нравственно привилегированном положении, что он есть грядущая сила, предназначенная освободить мир, что ему открывается истина. В действительности « истина » открылась детям буржуазии — Марксу и Энгельсу, и они ее навязали пролетариату, не способному даже ее переварить. Совершенно непонятно, почему фабричному рабочему, весь день проводящему в адском фабричном труде, дыхание которого отравлено, лишенному всякой умственной жизни, не имеющему свободного времени для развития, озлобленному, должна открыться единоспасающая истина, почему он есть высший духовный тип, грядущий человек ? Подобная вера возможна была для Маркса лишь потому, что он думал, что добро рождается из зла, свет из тьмы, свобода из насилия, братство и единство человечества из ненависти и жестокой борьбы. Маркс оправдывал это гегелевской диалектической схемой о переходе тезиса в антитезис. Для того, чтобы был возможен рай социализма, должен был существовать ад капитализма, для того, чтобы возможно было равенство и братство людей, должна была существовать самая злая форма эксплуатации класса классом, самая разъярен-

ная борьба классов. Марксисты гордятся тем, что они мыслят диалектически. Логически нелепое соединение диалектики и материализма, для которого всякий смысл порождается бессмыслицей, возможно было у Маркса только благодаря его религиозной вере в «идею» мессианства пролетариата. Совершенно ясно, что для Маркса мировой процесс имеет положительный «идейный» смысл, он не есть слепой, бессмысленный материальный процесс, столкновение атомов материи, он есть прогрессивное торжество «идеи» пролетариата, как конечной цели истории. История имеет для Маркса мессианский смысл, что, конечно, находится в разительном противоречии с его материализмом. Грядущий социальный коллектив, который создается из недр капиталистического общества, и есть божество для Маркса. Во имя этого божества всё дозволено, всё должно быть ему принесено в жертву. Мессианская «идея» пролетариата и есть основной миф марксизма, и с ним связана главная душа марксизма, его вдохновение, его способность вызвать активность и восстания рабочих масс. Это и есть его революционная душа, которая сочетается с его эволюционной душой. Такой миф мог быть порожден лишь религиозной верой, лишь религиозной надеждой. Он свидетельствует о том, что и у атеистов и материалистов по своему сознанию остаются свойства души, требующие веры и способные на веру, хотя и ложно на-

правленную на недостойные предметы. Но что несет с собой марксистская религия для человеческой личности ?

Человеческая личность для марксизма является лишь средством, а не самоцелью. Человеческая душа не обладает безусловной ценностью, как в христианстве. С внутренней духовной жизнью человеческой личности марксизм совершенно не считается. Личность есть лишь материал для социального строительства, она есть объект, на который направлена социальная деятельность, но не субъект. Человек — средство, орудие, он есть функция развития материальных производительных сил, которая должна привести к торжеству социалистического общества, которое и есть божество. Этому божеству приносятся человеческие жертвы. Маркс совсем не гуманист, он не ждет царства гуманности, человечности. Человек приносится в жертву обществу и не обладает никакими безусловными правами. Маркс отрицает образ и подобие Божье в человеке, отрицает существование духа, и для него даже не ставится вопрос о правах внутренней духовной жизни человека, о свободе духа и совести, об охране духовной жизни от безграничных посягательств общества. Человеческая личность целиком есть лишь продукт социальной среды, она есть лишь функция социального процесса и она должна быть покорна своему господину. Человеческая личность должна быть вымуштрована для

грядущего социалистического общества, сначала в фабричном котле, потом в диктатуре пролетариата. От диктатуры общества, от диктатуры пролетариата ничто не ускользает в человеческой личности, не остается никакого свободного остатка его духовной жизни. Человеческая личность в своем мышлении, в своих самых интимных чувствах, в своей нравственной совести, в своей творческой фантазии целиком должна подчиняться обществу, должна регулироваться из центра. Социалистическое общество, социалистический коллектив имеет такие притязания на обладание человеческой душой, какие может иметь лишь церковь. Старые государства были деспотичны и жестоки, но они не притязали на человеческую душу в ее целостности и глубине, в ее духовной жизни. Притязала на это лишь церковь, задача которой есть спасение души для вечной жизни. Общество у Маркса не знает границ своей власти, оно создает человеческую личность и предъявляет свои безграничные на нее права. Все задачи жизни решаются внешне, механической, материальной организацией и регуляцией общества. Для свободных духовных усилий человеческой личности, для ее свободной совести, для ее творческой инициативы не остается ничего. Отрицание свободы духа и свободы совести ведет к отрицанию моральной и духовной жизни человека. Марксизм вышел из религии человечества Л. Фейербаха, но пришел к отри-

цанию человека. В марксистском коллективе, в коммунистическом обществе человека более не будет, образ человека будет стерт. Материал для коллективного социального строительства не есть уже человек, он подобен кирпичу, который кладут при постройке дома, или винтику огромной машины. Марксизм требует колоссальной, необычной энергии, которую мы и видим у русских коммунистов, но это не есть активность человеческой личности, обладающей творческой инициативой, свободной совестью, неотъемлемыми правами, это есть активность механического коллектива, в котором человек лишен всякой свободы умственного и нравственного суждения.

Кошмар и ужас русского марксизма заключается прежде всего в том, что он несет с собой смерть человеческой личности, человеческой свободы. Коммунизм есть отрицание не только Бога, но и человека, и оба эти отрицания между собой связаны. Коммунизм ведет не только антирелигиозную пропаганду против Бога, он ведет пропаганду против человека, античеловеческую пропаганду. Вот почему коммунизм есть антипод христианству, религии Богочеловечества, религии утверждающей не только Бога, но и человека. Для христианства человеческая личность имеет безусловное значение, человеческая душа стоит больше, чем все царства мира. Духовная жизнь человека не принадлежит целиком обществу, какую бы

форму оно ни имело, она связана с церковью, а не с государством, она принадлежит Царству Божьему, а не царству мира сего. В основе христианства лежит любовь к ближнему, к человеку. В основе марксизма лежит отрицание и любви к Богу, и любви к человеку. Марксизм не любит ни Бога, ни человека, — он Бога совсем отрицает, а к человеку он беспощаден, как к средству и орудию, он любит лишь грядущее социалистическое общество, лишь социальный коллектив. Эта любовь к социалистическому обществу и есть то, что Ницше, по другому поводу, называет любовью к «дальному», в противоположность любви к «ближнему». Этот «дальный», это грядущее социалистическое общество есть вампир, пожирающий всякого «ближнего», всякую человеческую личность, оно требует для себя безграничных жертв. Нет той жестокости, которая не была бы оправдана во имя этого «дального», во имя социалистического общества. Христианство тоже зовет к далекой цели, к «дальному», к царству Божьему, но не отрицает любви к «ближнему», к живой человеческой личности, оно требует этой любви, как условия своего осуществления. В царство Божье только и войдут те, у которых есть любовь к ближнему, ко всякой человеческой личности.

Марксистское сознание есть жертва капитализма и технического прогресса. В капитализме, в технической цивилизации XIX века

началась уже механизация жизни, обезличение человека, превращение человека в средство материального преуспевания, ослабление духовности. То общество, против которого восстал Маркс, было уже достаточно безбожным и бесчеловечным обществом, в нем духовный человек ослабел и на человека смотрели, как на функцию развития материальных производительных сил. Не в марксизме нужно искать источник зла, и в своем отрицании Бога и человека марксизм совсем не оригинален, он заимствовал всё это у своего врага. И те, которые хотят спасти веру в Бога и охранить свободу человеческого духа и безусловное значение человеческой личности возвратом к капиталистическому обществу XIX века, не ведают, что творят, находятся в страшном самообмане и заблуждении, если не имеют сознательной злой воли. Маркс был очень сильный ум и сильная воля, но он не был творческий дух. Он отразил болезни своего века и находился в их власти. Его воображению не рисовалось ничего лучшего, как превратить капиталистический фабричный ад в социалистический фабричный рай. Рай никогда не был для него садом и никогда не было в нем отблеска божественного света. Мир и человек представлялись ему совершенно обезбоженными. И в представлениях Маркса о развитии материальных производительных сил и возрастания мощи человека, и овладении им стихийными силами

природы, воображение его было слабым и не творческим. Маркс совсем не предвидел размеров головокружительного нарастания изобретений и открытий, покорения природы наукой, наступления нового века. Он целиком принадлежит отошедшему XIX веку, который искал решения социального вопроса исключительно классовой борьбой и социальными перераспределениями. Но мы вступили в новый век, когда по новому ставится социальный вопрос. Изобретения и открытия приводят к техническому прогрессу, превышающему всякое воображение. Скоро возникнет воздушная цивилизация, человек овладеет не только земными пространствами, он будет видеть и слышать на расстояниях, которые сейчас непреодолимы, он будет проникать в бесконечность макрокосмическую и микрокосмическую. И эта власть человека будет результатом не экономического процесса, не социальных изменений, а науки, знания, умственных открытий. Маркс был еще прикован к небольшому куску земли капиталистического общества XIX века, у него не было мировых перспектив. Мировой была лишь идея мессианства пролетариата. Социальный вопрос есть вопрос технический, вопрос покорения природных стихий человеческому разуму. Такова одна его сторона и сторона опасная и двойственная. Ибо развитие технической цивилизации, изобретения, дающие человеку власть над природой, могут поработить челове-

ка, механизировать и обездушить его, могут задавить в человеке образ и подобие Божие, могут служить не Богу, а дьяволу. И потому социальный вопрос есть также вопрос нравственный, вопрос духовного просветления и преображения людей и общества, вопрос религиозного изменения отношения человека к человеку, т.е. вопрос христианский. Путем насильственных революций и насильственных социальных организаций нельзя перевоспитать человека, нельзя изменить отношений человека к человеку, нельзя реально, внутренне улучшить человека. Грех, зло, ненависть, низость, рабство будут принимать лишь новые формы, будут изменяться лишь одежды, а не люди. Только христианство, только благодать Христова обладает силой реально изменять человеческие души, преображать их. И никогда, никогда социальный вопрос не может быть решен без этого внутреннего, духовного возрождения и просветления человека, побеждающего грех, без искания Царства Божьего.

2. Религия не есть частное дело.

Социал-демократическая партия восприняла параграф либеральных и демократических программ, согласно которым «религия есть частное дело». Параграф этот означает признание права свободы совести, он предоставляет каждому человеку право верить, как он

хочет и во что он хочет. Государство и общество не вмешиваются в религиозную веру человека, но с тем обязательным условием, чтобы и религиозная вера не вмешивалась в жизнь государства и общества и оставалась скрытой в глубине души человека. Утверждение, что религия есть частное дело, было выставлено людьми неверующими, к религии равнодушными. Так формулировало свое отношение к религии либеральное просветительство. Развитие просвещения, поступательное торжество разума приведет к отмиранию и окончательному исчезновению религиозной веры. Пока же религии следует отвести уголок души с тем, чтобы она из этого уголка не выходила и не вмешивалась не в свое дело. Христианская вера и Церковь не должны оказывать никакого влияния на государство, школу, общественную жизнь. Лишь под этим условием предоставляется право человеку верить, во что он хочет. На практике осуществление принципа «религия есть частное дело» всегда вело к утеснению религии, хотя и не в грубо насильственной форме. Сфера религиозной веры суживалась всё более и более, и влияние ее вытеснялось из всех сфер жизни. Христианство никогда не примирялось и не примирится с принципом «религия есть частное дело». Христианство верит в откровение Истины, и оно не может не признавать, что открывшаяся Истина имеет отношение ко всем сторонам жизни, ко всей полноте жизни.

Религия есть самое всемирное и всеобщее дело, не только личное, но и социальное, оно имеет отношение ко всей полноте жизни, а не к частной лишь ее стороне. Это ясно для всякого, кто имеет веру и религию и не смотрит на нее со стороны.

Социал-демократическая партия восприняла принцип « религия есть частное дело » лишь потому, что утерjala революционный и религиозный характер первоначального марксизма и приспособилась к буржуазным партиям. Сам Маркс никогда так не смотрел. Для него религия не была частным делом. Борьба с христианской религией и окончательная победа над ней, окончательное истребление ее в человеческом сердце и сознании были для него самым всеобщим и всемирным делом. Настоящий марксист, настоящий революционный социалист не может верить в Бога и исповедовать христианскую веру, такой человек не мог бы быть терпим в лагере революционного марксизма и социализма. Так последовательно думают русские коммунисты, оставшиеся верными революционному и религиозному характеру марксизма. Марксизм не может утверждать, что религия есть частное дело уже потому, что он сам есть религия, религия противоположная всем другим религиям и прежде всего христианской. Ленин прекрасно объяснил, что принцип « религия есть частное дело » может быть применен коммунистами лишь по отно-

шению к буржуазному миру, но совсем не применим по отношению к собственному коммунистическому миру. Для внутреннего коммунистического употребления этот буржуазно-либеральный принцип негоден, в рядах коммунистического лагеря не может быть терпима религиозная вера и для христианства нет места. Коммунист совсем не свободен верить, во что ему хочется, он должен верить по-коммунистически, верить в то, во что ему предписывает верить коммунистическая церковь и коммунистический догмат. Коммунизм во всем претендует быть похожим на церковь и отлучает за «ереси». Всякая религиозная вера, кроме веры коммунистической, есть ересь и не может быть терпима. По отношению к буржуазному миру нужно утверждать принцип «религия есть частное дело», потому что это способствует разложению этого мира. Но Маркс, а за ним и Ленин, презирали борьбу буржуазного радикализма против религии. Маркс усвоил себе все отрицательные, разрушительные стороны просветительства XVIII века, но он преодолел его своей положительной коммунистической религией и презирал его, считая его буржуазным. Марксу совсем не свойствен пафос свободымыслия. Он требует организации и регуляции мысли во имя осуществления пролетарского социализма. И Маркс и Ленин думают, что нужно предоставить радикальной, свободомыслящей буржуазии социально выделять религиоз-

ный вопрос и бороться против религии. Для самого же революционного марксизма религиозный вопрос невыделим из общей революционной классовой борьбы пролетариата и должен разрешаться этой борьбой. По мере роста пролетарского классового самосознания и его торжества в обществе, религиозная вера отомрет, как иллюзия и самообман сознания. Первоначально, когда Маркс был близок к Фейербаху и левому гегелианству, он придавал более значения религиозному вопросу и для него это был вопрос о революции сознания. Но когда Маркс глубже вошел в революционное рабочее движение, для него религиозный вопрос слился с общим вопросом о мировой пролетарской революции. И нужно сказать, что не только Маркс, но и Ленин, в своих писаниях по поводу религии, утверждают, что религиозный вопрос есть вопрос изменения сознания, революции сознания, и не думают, что он разрешим расстрелами, тюрьмами, гонениями и насилием. Практика русских коммунистов в этом отношении внесла изменение в марксистское учение и признала исключительное значение за расстрелами, тюрьмами и насилиями, как в вопросе религиозном, так и во всех вопросах. Антирелигиозная пропаганда комсомольцев целиком вытекает из основ марксистского мировоззрения, но методы борьбы, которые тут практикуются, включают в себе новизну по сравнению с классическим марксизмом. Маркс еще

не знал и не предвидел, как всё будет делаться, когда марксизм начнут осуществлять на практике. Основная идея марксизма о религии заключается в том, что при окончательной регуляции социальной жизни, при исчезновении классовой эксплуатации, религиозная вера естественно отомрет, исчезнет из сознания, как иллюзия и самообман. Она явилась, как отражение известных социальных отношений, и исчезнет, когда эти социальные отношения изменятся.

Нельзя успешно вести борьбу против антирелигиозной пропаганды и против яда безбожия, прививаемого русскому народу, став исключительно на точку зрения отделения церкви от государства и права свободы совести и веры. Это тоже означало бы утверждение принципа «религия есть частное дело», но применяемого с другого конца и во имя другой цели. Борьба против антирелигиозной пропаганды и атеизма должна быть тоже социальной борьбой и исходить из принципа всемирного, всеобщего, не только личного, но и социального значения религии. Но социальная борьба против антирелигиозной пропаганды и атеизма совсем не означает отрицания всякой правды за социализмом и революционным рабочим движением и противопоставления ему строя буржуазного и капиталистического. Такая постановка вопроса страшно вредит делу Христа в мире и по существу ложна. Мы говорили уже, что злая

воля взяла на себя решение вопроса о социальной правде, потому что добро ничего не сделало для осуществления социальной правды. Владимир Соловьев верно говорит, что для того, чтобы победить ложь социализма, нужно признать правду социализма. И в самом коммунизме есть своя правда, но извращенная и подчиненная ложной цели. Ложь коммунизма заключается не в его политической и экономической, социальной стороне, которая сама по себе может быть религиозно нейтральной, а в его духовной стороне, в его безбожии, в его отрицании Бога и человека, в его непризнании свободы духа. Тот факт, что рабочие и крестьяне пришли к власти и к исторической активности, сам по себе не есть зло, и в нем есть и своя правда. Злом является лишь духовное, нравственное, умственное состояние рабочих и крестьян, зараженных безбожной и бесчеловечной, антихристианской религией коммунизма. Зло коммунизма послано за грехи христианского мира, и грехи эти должны быть признаны христианами. Для борьбы с антихристианской пропагандой и атеизмом рабочих масс необходимо разорвать связь христианства с интересами капитализма, крупной собственности и буржуазного социального строя, которая означала извращение и вырождение христианства, его приспособление к преходящим человеческим интересам. Христианство не может терпеть ненависти и злобы к целым классам, и к от-

дельным людям, на том основании, что они какой-либо класс представляют. Каждый человек, будь он буржуа или рабочий, несет в себе образ и подобие Божие и призван к спасению и вечной жизни. Но христианство не может защищать каких-либо классовых интересов. Защищать буржуазию как класс, христианская религия совсем не призвана, она может защищать лишь отдельных людей, когда их травят, насилуют и отрицают их право на жизнь и на спасение. Мы, христиане, открыто должны признать, что в негодовании таких, например, искренних, но ограниченных антирелигиозников, как И. Степанов, есть своя доля правды. Не только практика христиан в истории, но и само понимание христианских догматов было извращаемо и приспособляемо к человеческой ограниченности и к человеческим интересам. Догматы истолковывались иногда так, что вызвали нравственное негодование и восстание против веры в Бога.

Недопустимо и лицемерно оправдывать существующее зло тем, что первородный грех непобедим, и ждать улучшения условий жизни лишь в царствии Божьем, когда первородный грех будет окончательно побежден. Тогда придет безудержный коммунизм, насилием осуществит свои цели и скажет христианам: терпите коммунистический строй, смиритесь перед ним, как вы терпели старый строй, коммунизм непобедим в силу первородного греха. Социа-

лизм может оказаться также необходимым в силу объективных природно-социальных процессов, как необходим капитализм, как необходим был строй монархический и всякий другой строй жизни. Социализм возможен не потому, что люди станут совершенными и безгрешными, а именно вследствие несовершенства и греховности людей. И старые христианские возражения против социализма сейчас устарели и представляют анахронизм. Будущее принадлежит труду и рабочим классам. Существует мировая тенденция к социализму, к социализации общества. Теперь уже несвоевременно ставить социальный вопрос с христианской точки зрения так, что нужно духовно облагородить и смягчить капитализм и буржуазные классы для предотвращения социальной революции. Время для этого прошло. Теперь придется, с христианской точки зрения, ставить социальный вопрос так, что нужно духовно облагородить и смягчить социализм и трудящиеся классы. Христианство мало духовно помогло рабочему классу, когда он был угнетен, унижен и раздавлен, и теперь ему нужно духовно помочь рабочему классу торжествующему и склонному угнетать других. Ибо, если рабочий класс угнетенный, униженный и раздавленный находился в тяжелом духовном состоянии, то в еще более тяжелом духовном состоянии он находится в час своего торжества, победы и силы. Пролетариат в день своей дик-

татуры, когда он осуществляет свою мессианскую идею, и есть наиболее погибающий, наиболее духовно потерянный. Церковь же Христова всегда должна идти к погибающим и потерянным, к духовно падшим, хотя бы внешне они казались сильными и имеющими власть. Социальный вопрос делается по преимуществу духовным, религиозным вопросом в эпоху торжества революционного рабочего движения в мире. Церковь может духовно очищать искания социальной правды, согласовать ее с правдой Христовой.

Марксизм есть устаревшее учение, и в основании его лежит антихристианская, ложная религия обоготворения пролетариата. Но в марксизме были и положительные элементы — социальный реализм, утверждение огромного значения экономической стороны в жизни общества и борьбы классов, обнаружение болезней капиталистического строя, изобличение лжи идеалистики — гуманистической культуры. Не нужно бояться признать долю истины и в том, что нам враждебно. Исторический материализм Маркса нельзя опровергнуть ссылкой на роль возвышенных идей в истории. Марксовский материализм ложен потому, что существует Бог, идеи же сами по себе бессильны. Христианская мысль призвана изобличить духовную пустоту и ничтожество коммунистического идеала, духовную буржуазность марксизма, бессилие коммунистической революции создать новую жизнь,

нового человека, отсутствие творческих возрождающих сил в коммунизме. Христианство радикальнее коммунизма, оно ищет царства Божьего, реального преобразования человека и мира, нового неба и новой земли. Побороть и низвергнуть лозунг антирелигиозников, что « религия есть орудие эксплуатации », можно под тем условием, чтобы защитники и служители религии действительно никогда не превращали религию в орудие какого-либо интереса. Победа эта не суждена тем, которые превращают церковь в орудие своих политических и классовых целей. Необходимы новые методы защиты христианства, так как старые методы его компрометируют. Победить антихристианский дух может лишь христианство очищенное, одухотворенное, углубленное, сознавшее творческие свои задачи и в познании, и в культуре, и в социальной жизни.

1929 г.

ПРОФ. Н. А. БЕРДЯЕВ

**Правда и ложь
коммунизма**

Н. А. Бердяев

ПРАВДА И ЛОЖЬ КОММУНИЗМА

(К пониманию религии коммунизма)

I.

До сих пор отношение к коммунизму определялось более эмоционально, чем интеллектуально. Психологическая атмосфера была очень неблагоприятна для понимания идейного мира коммунизма. В русской эмиграции коммунизм вызывал против себя страстную аффективную реакцию людей раненных. Слишком многие на вопрос, что такое коммунизм, могли бы ответить: это моя разбитая жизнь, моя несчастная судьба. В Западной Европе отношение к коммунизму определяется или буржуазным испугом и буржуазной реакцией мира капиталистического или поверхностным большевизанством интеллектуалов, в значительной степени снобистическим. Но почти никто не принимал всерьез самой идеологии коммунизма, самой коммунистической веры. Когда-то самый замечательный русский философ XIX века и философ-христианин Владимир Соловьев сказал:

чтобы победить ложь социализма, нужно признать правду социализма. Ту же истину нужно повторить и о коммунизме, который есть одна из крайних форм социализма. В коммунизме есть великая ложь, ложь антихристианская, но в нем есть и большая правда и даже много правд. В коммунизме есть много правд, которые можно было бы формулировать в ряде параграфов, и всего одна ложь. Но эта ложь так велика, что она перевешивает все правды и искажает их. Для христиан коммунизм должен иметь совсем особенное значение — он есть обличение и напоминание о неисполненном долге, о неосуществленной христианской задаче. Христианская правда не осуществила себя в полноте жизни и в силу таинственных путей Божьего Промысла злые силы берут на себя осуществление правды. В этом духовный смысл всех революций, в этом их таинственная диалектика. Христианское «добро» стало слишком условно-риторическим и осуществление некоторых элементов этого «добра», провозглашенного в идее, но очень плохо реализованного на практике, совершается в страшной реакции против христианства. Грех и низость христиан, вернее лже-христиан, заслонили и затемнили ослепительный свет христианского откровения. Почти в течение всей новой истории христианский мир был поражен дуализмом, христиане жили в двух ритмах, ритме религиозном, церковном, который охватывал небольшое количе-

ство дней и часов их жизни, и ритме мирском, внерелигиозном, который охватывал большую часть их дней и часов. И большая часть жизни христиан была не освещена и не освящена Христовой истиной. Наиболее неоправданной, наиболее непросветленной оставалась жизнь хозяйственная, жизнь социальная, которая оказалась предоставленной собственному закону. Хозяйственная жизнь капиталистических обществ не подчинена никакому высшему религиозному и нравственному началу. Маркс был прав, когда говорил, что капиталистическое общество есть общество анархическое. В нем жизнь целого определяется игрой частных интересов. И нет ничего более противоположного духу христианства, чем дух капиталистического общества. Не случайно капиталистическая эпоха совпала с отступничеством от христианства и с ослаблением христианской духовности. Идея же коммунизма, который в наши дни гонит и преследует все религии и все церкви, религиозного и даже христианского происхождения. Не всегда коммунизм был материалистическим и атеистическим, в прошлом он был окрашен религиозно и спиритуалистически. Нужно помнить, что первым коммунистом, начертавшим коммунистическую утопию, был Платон, что существовал коммунизм первохристианский, основанный на Евангелии, что существовал религиозного типа коммунизм в средние века и в эпоху реформации, что автор «Утопии» Томас Мор

причислен католической церковью к лику блаженных, что коммунистические и социалистические течения в первую половину XIX века во Франции носили спиритуалистический и даже религиозный характер, хотя и очень расплывчатый и неопределенный. Самое слово коммунизм происходит от слова коммун, общность, взаимоприобщенность. Такой коммун, взаимоприобщенность, духовная общность людей предполагает приобщение их к единому, высшему источнику жизни, к Богу. Лишь в Боге и в Христе достигается общность людей, подлинный коммун. Братство возможно лишь по Единому Отцу. Современные коммунисты хотят достигнуть общности через внешне механическую, принудительную организацию общества*. Но сама идея коммун, общности людей, т. е. коммунизма в глубоком смысле слова есть великая и вековая мечта человечества.

Трагично то, что коммунизм материалистический легче осуществить, чем коммунизм христианский. Коммунизм материалистический можно пытаться осуществить путем насилия и принуждения, не считаясь с духовной свободой людей и с их греховностью. Таким путем нельзя достигнуть духовной общности, но можно

* Немецкий социолог Теннис делает плодотворное различие между Gesellschaft и Gemeinschaft, но он остается на почве натуралистической социологии.

создать новую организацию общества. Христианство же признает духовную свободу и потому не может верить в насильственную организацию общности. Когда христианство пыталось организовать общность по типу средневековой теократии, игнорируя свободу, оно сорвалось и замысел был обречен на неудачу. Христианство признает ценность человеческой личности и не может организовать общества, унижающего и отрицающего личность. Материалистический коммунизм отрицает ценность и значение человеческой личности. И этим задача для него очень облегчается. Когда коммунисты обвиняют христианство в том, что оно не реализовало себя в жизни и не принесло человечеству избавления от зла и страдания, то они не видят и не понимают самого главного — свободы человеческого духа, невозможности внешне и механически, принудительно организовать совершенное общество и уничтожить грех. Но верно то, что греху, обнаруживающему себя в социальной жизни, должен быть положен какой-то предел и воля христиан должна быть направлена на преобразование общества в духе Христовом. Лицемерен и лжив тот аргумент консервативного и буржуазного христианства, что преобразовать и улучшить человеческое общество, осуществлять в нем бóльшую справедливость невозможно вследствие греховности человеческой природы. В действительности преобразование и улучшение человеческого об-

щества, осуществление в нем бóльшей справедливости необходимо совсем не потому, что мы оптимистически смотрим на человеческую природу и исповедуем руссоизм, а именно потому, что мы пессимистически смотрим на человеческую природу и считаем необходимым установление порядка, ограничивающего социальное проявление греха. Именно буржуазная идеология, породившая капитализм, была оптимистична и верила в естественную гармонию, проистекающую из игры частных интересов. Коммунизм и быть может мировой коммунизм окажется возможным совсем не вследствие безгрешности человеческой природы, а именно вследствие ее греховности. И общество будет радикально переустроено силами самого греха, если правда не захочет его переустроить. Утопии гораздо более осуществимы, чем это до сих пор думали. Утопию отлично может осуществлять самый грех. Но вина и ответственность за зло, которое отсюда произойдет, будет лежать на « добре », превратившемся в риторику, и на « добрах », которые умели судить других, но потеряли способность судить себя. Коммунизм в его зловещем и безбожном образе есть рок « христианских » обществ и вместе с тем напоминание, суд, который эти общества не хотели произвести над собой и который будет произведен над ними. И потому так трудно в коммунизме различить правду от лжи.

Не русскому народу принадлежит честь

изобретения коммунизма, он получен им с Запада. Но бесспорно ему принадлежит честь первого воплощения его в жизнь. И вот мы стоим перед вопросом, в чем привлекательность коммунизма, почему он так заразителен, почему он идейно победил в русской революции, почему символика коммунизма движет массами, вызывает энтузиазм ? *. Понять это невозможно, если смотреть на коммунизм исключительно как на политическое и экономическое явление и подвергать его рациональной критике с точки зрения политических и экономических теорий. Коммунизм, и как теория и как практика, есть не только социальное, но также и духовное и религиозное явление. И коммунизм страшен именно как религия. Как религия противоположен он христианству и хочет заменить его. Как социальная система, коммунизм мог бы быть религиозно нейтрален. Подобно религии, коммунизм несет с собой целостное отношение к жизни, решает все основные вопросы жизни, претендует дать всему смысл, имеет свои догматы и свою догматическую мораль, издает свои катехизисы, имеет даже зачатки своего культа, он захватывает всю душу и вызывает энтузиазм и жертвенность. Коммунизм в отличие от большей части политических партий не

* Лишь в самой первой стадии революции популярность коммунизма можно объяснить тем, что он льстит массам, потворствует их интересам и настроениям, призывая « грабить награбленное ».

признает секуляризованной, отделенной от целостного мирозерцания политики. В не-человеческой активности коммунизма мы встречаемся как-бы с переключением энергии, накопленной в человеческой душе длительным религиозным процессом. На служение безбожной и антихристианской идее коммунизма идет религиозная энергия души. Если-бы коммунистам удалось путем антирелигиозной пропаганды окончательно вырвать из человеческой души религиозное чувство, веру и готовность жертвовать во имя своей веры, то они сделали бы невозможной и веру в коммунизм, они подорвали бы собственное существование и никто не пожелал бы уже нести жертв во имя коммунистической идеи. Так и во имя антихристианской идеи пользуются христианской формацией души, христианской способностью к вере и к жертве. С горем приходится признать, что сами христиане буржуазного периода истории обнаружили гораздо меньше энергии и жертвостопособности, чем коммунисты. Образы великих святых и подвижников были отеснены в далекое прошлое. Христианство переживало не героический, упадочный период и этим подготавливало успехи коммунизма. Искреннее и беззаветное увлечение советской молодежи коммунизмом есть бесспорный факт, которого никак скрыть нельзя. Это мы видим в той энергии, которую добровольно вкладывает молодежь в осуществление пятилетнего плана.

Теоретически коммунизм есть марксизм. Марксизм есть обязательная символика коммунистической партии. Можно ли понять увлечение коммунистической идеей из марксизма, хорошо известного на Западе? На том же марксизме базируется немецкая социал-демократическая партия и мы видим в ней очень мало энтузиазма и жертвенности. Это партия деловая и умеренная, очень мало напоминающая религиозное движение, совсем не фанатическая. Сложность и трудность понимания русского коммунизма со стороны коренится в том, что он есть и интернациональное мировое явление и явление национально-русское. В нем рационалистическая доктрина марксизма преломилась в иррациональной русской стихии и деформировалась. Мы отчасти встречаемся тут с феноменом, который повторяется во всех больших революциях. Революции создаются иррациональными стихийными силами, они порождаются из темного подсознательного народной жизни. И вместе с тем революции всегда ставят себе задачи рационализации жизни и становятся под знак рациональной доктрины, приобретающей характер условной символики в борьбе. Французская революция тоже ведь вдохновлялась рационалистической просветительной философией XVIII века, но в ней действовали демонические иррациональные силы. Русская коммунистическая революция в максимальной степени ставит себе задачи со-

вершенной рационализации жизни вплоть до изгнания из нее всякого иррационального элемента и всякой тайны. Но в ней же в максимальной степени действуют иррациональные демонические стихии, для которых рационалистическая доктрина есть лишь условная символика. И совсем не рационалистические, не объективно-научные элементы марксизма действуют в русском коммунизме, а элементы мифотворческие и религиозные. Своеобразное сочетание рационального и иррационального элемента в русской революции послужило поводом к возникновению легенды о различии между большевизмом и коммунизмом, популярной в народной среде, крестьянской, рабочей, мещанской. Большевизм считается явлением чисто русским, народным, разливом русской народной революции, буйной и анархической, а коммунизм явлением иностранным, пришедшим со стороны и наложившим на русскую народную революцию оковы рациональной организации. Этому терминологически условному различению соответствует реальное различие иррациональных и рациональных элементов в революции. Но революционная идея всегда включает в себе элемент рациональный. Рациональный элемент взят из марксизма. И вот вопрос: что в марксизме может поднять и вдохновить массы на огромное и сильное движение?

II.

В основании марксизма лежит теория экономического или исторического материализма, согласно которой весь исторический и социальный процесс определяется экономикой, развитием материальных производительных сил, формами производства и обмена. Экономика есть « базис » всей жизни, ее первичная и подлинная реальность, все же остальное, вся « идеология »; духовная жизнь, религиозные верования, философия, мораль, искусство, вся культура, в которой человек видел цвет жизни, есть « надстройка », эпифеномен, обманчивое и иллюзорное отражение в сознании реальных экономических процессов. Об огромном значении экономики, т.е. степени победы социально организованного человечества над стихийными силами природы, говорил не один Маркс, до него говорили об этом историки и утопические социалисты, напр. Сен - Симон, во многом предвосхитивший Маркса. Но Маркс придал этому характер универсальной экономической метафизики. И Маркс связал эту экономическую метафизику или онтологию, т.е. учение о сущности бытия, о первореальности, с учением о классовой борьбе, которая и является его гениальным « открытием », вернее « откровением ». И о классовой борьбе говорила до Маркса более скромная историческая наука, но только Марксу принадлежит учение о мессианстве про-

летариата. Сама по себе теория экономического материализма никого не могла бы вдохновить. Учение о том, что вся жизнь человеческая детерминирована экономическими процессами, есть скорее печальное учение, от которого могли бы руки опуститься. Но Маркс совсем не ограничивается этой печальной истиной. Он пессимист в отношении к прошлому, которое окрашивается для него в исключительно темный цвет, но он оптимист в отношении к будущему, которое окрашивается для него в исключительно светлый цвет. Маркс и Энгельс учат о скачке из царства необходимости в царство свободы. Это лишь в прошлом было царство необходимости, детерминированности экономикой. В будущем будет царство свободы, социальный разум окончательно победит все иррациональные, стихийные силы природы и общества и социальный человек станет могущественным царем вселенной. В чудовищном противоречии со своим материализмом Маркс верит в диалектику, полученную по наследству от Гегеля. Он верит, что диалектический процесс через зло неизбежно приведет к добру, через бессмыслицу приведет к торжеству смысла. Диалектика у Гегеля связана с панлогизмом: в диалектике неотвратимо торжествует логос, смысл. Мировой процесс диалектичен у Гегеля потому, что он есть процесс логический, самораскрытие понятия. Диалектика частей возможна лишь вследствие их погружения в логическое лоно целого.

Нет никакой возможности перевести панлогистическую диалектику на материалистический язык, ибо материя не знает логоса и торжества смысла. Но Маркс утверждает материалистическую диалектику и это возможно у него лишь потому, что он вносит панлогизм в недра самой материи, в материальный экономический процесс. Маркс верит, что материальный экономический процесс через борьбу противоположных сил приведет к торжеству смысла, разума, логоса, к царству свободы, к порядку, к победе над необходимостью, порожденной стихийными, иррациональными природными силами. Это есть безумная вера, ибо остается непонятным, почему стихийный материальный экономический процесс не приведет к торжеству окончательной бессмыслицы, рабству и тьме. Стихийный материальный процесс сам по себе иррационален и никакого торжества разума не может гарантировать. Но Маркс видит впереди совершенное коммунистическое общество, которое и будет самым воплощенным разумом, справедливостью и порядком, в нем не будет уже ничего иррационального, ничего несправедливого, жизнь будет окончательно рационализирована, панлогизм восторжествует. В Марксе мы находим изумительное сочетание острого ощущения и сознания яростной борьбы демонических иррациональных, полярных сил в истории, напоминающей ярость полярных сил, которую Беме видел в космической жизни, с абсолютным убеждением

в победе разума, смысла, справедливости, порядка, организации в социальной жизни. В нем привлекает это непостижимое сочетание демонического социального иррационализма с социальным панлогизмом, темное понимание прошлого с лучезарным пониманием будущего. И лучезарное будущее оказывается неотвратимым, неизбежным, царство свободы оказывается детерминированным. В будущем совсем уже не стихийная экономическая основа определяет жизнь человеческих обществ, а овладевший всеми стихиями социальный разум. Диалектика материального процесса ведет неотвратимо к царству Божьему на земле, хотя и без Бога, к царству свободы, справедливости, мощи. Сама по себе теория экономического материализма энтузиазма вызвать не могла бы, она осталась бы одной из научных гипотез. Энтузиазм вызывает мессианская вера Маркса. И эта мессианская вера находит свое окончательное выражение в идее мессианского призвания пролетариата. Та сторона марксизма, которая обращена к грядущему социалистическому обществу и к великому призванию пролетариата, ничего общего с наукой не имеет, это есть вера, « вещей обличение невидимых ». « Пролетариат » Маркса и совершенное социалистическое общество — « невидимые вещи », предмет веры. Тут мы встречаемся с идеей религиозного порядка.

Для Маркса в основе исторического процесса лежат не только экономика, развитие

материальных производительных сил, что само собою не могло бы вызвать особенных страстей, но и классовая борьба. Вся яростность марксизма вызвана этой идеей классовой борьбы. Это есть субъективная сторона марксизма, с ней связана его аксиология. И несомненно само понятие класса у Маркса аксиологическое, оценочное. Различие между «пролетариатом» и «буржуазией» невольно оказывается совпадающим с различием между «добром» и «злом». Сознательно Маркс остается совершенным имморалистом, но его учение о классовой борьбе насквозь моралистично. И морализм этот очень своеобразный, отрицательный. Нет добра и справедливости, но есть зло и несправедливость. И зло и несправедливость вызывает негодование и ненависть. Для Маркса существует первородный грех, лежащий в первооснове человеческого общества. Это есть грех эксплуатации человека человеком, который всегда принимает формы эксплуатации класса классом. Понятию «эксплуатации» Маркс хочет придать чисто экономический характер. С этим связана теория прибавочной стоимости, которая отымается у трудящихся и присваивается эксплуатирующими классами. Но философски бесспорно, что понятие эксплуатации не может быть чисто экономическим, оно неизбежно этическое. Когда мы говорим, что происходит эксплуатация, мы производим нравственную оценку. При имморалистическом отрицании

различия между добром и злом непонятно, почему эксплуатация человека человеком вызывает возмущение и осуждение, как несправедливость. Марксизм есть крайняя форма детерминистического мирозерцания, презирующего всякие нравственные оценки. Нравственной свободы для него не существует. И тем не менее в основе его лежит идея первородного греха. Этот первородный грех заражает всю мировую историю, все классы общества, им искажены все человеческие верования и все идеологии. Грех эксплуатации закрывает возможность познания истины и создает иллюзорные учения, поддерживающие этот грех. В сознании иллюзорно отражается экономическая действительность — такова основная идея Маркса. Маркс принужден считать иллюзорными все бывшие до сих пор идеи и верования. Есть близость между Марксом и Фрейдом в основном принципе. И тот и другой ставят себе целью разоблачить иллюзорность сознания, обман и ложь сознания. За иллюзией, обманом и ложью сознания скрыты бессознательные влечения, у Маркса экономические классовые интересы и эксплуатация, у Фрейда сексуальные влечения, *libido* и связанные с этими влечениями поранения. Маркс не знает еще подсознательного, психология его рационалистическая, но он все время хочет разоблачать ложь сознания, сознательных идей и теорий. Но разоблачающий ложь и иллюзии сознания сам

должен себя сознавать в истине и знать путь победы истины над ложью, реальности над иллюзорностью. И вот Маркс верит, что наступил час истории, когда истина должна раскрыться. Ему удалось, наконец, разоблачить иллюзии и раскрыть истину, найти ключ к пониманию всемирной истории, добыть секрет жизни человеческих обществ. Истина раскрылась ему, свет осветил тьму, в которую было погружено все прошлое, потому что через него мыслит и познает истину класс, который призван быть освободителем человечества. Религиозизм преодолен, пролетарская истина не есть уже только отражение экономики, она есть абсолютная истина. Все классы были заражены в разных формах грехом эксплуатации и потому истина была для них закрыта. Само классовое строение общества выражало слабость человека, зависимость его от стихийных сил природы и стихийных сил самого общества. Общество основанное на борьбе классов есть общество находящееся во власти иррациональных сил, оно не владеет собой. Религиозные верования лишь отражают слабость и беспомощность человека перед силами природы, слабое развитие материальных производительных сил и зависимость человека от человека, рабство человека. Но вот образуется капиталистическое общество, которое Маркс считает самым злым и несправедливым. В нем эксплуатация одного класса другим достигает максимальной

степени. Но это общество вместе с тем развивает производительные силы человечества, создает мощь и вызывает к жизни новый класс, до сих пор не бывший в истории, класс пролетариата.

Пролетариат есть единственный класс, свободный от первородного греха эксплуатации. Это есть класс, создающий все материальные ценности и блага, которыми живет человеческое общество. Он эксплуатируется и угнетается, он самый обездоленный, лишенный орудий производства, находящийся в рабской зависимости от капитала, но в нем нарастает сила, мощь коллектива, которая обнаружится после крушения капиталистического общества. Пролетариат есть класс мессианский, призванный быть освободителем всего человечества, он даже тождествен с истинным человечеством, он уже не только класс, он перерастает классовое общество. Ему открывается истина и он осуществляет справедливость уже в силу своего социального положения. Мессианская идея пролетариата соединяет в себе освобождение угнетенных, т.е. осуществление социальной справедливости, с достижением силы и могущества социально организованного человечества. В победе пролетариата окончательно восторжествует социальный рационализм и овладеет иррациональными силами мира. Победа пролетариата принесет с собой окончательную рационализацию жизни, окончательную регуляцию и поря-

док, все иррациональное, темное, таинственное будет изгнано из жизни. Анархия, которую Маркс видел в капиталистическом обществе, прекратится. Пролетариат наделяется всеми добродетелями. Совершенно ясно, что «пролетариат» Маркса не есть тот эмпирический рабочий класс, который мы наблюдаем в действительности. Это есть идея-миф, а не эмпирическая реальность. Пролетарский миф К. Маркса аналогичен демократическому мифу Ж. Ж. Руссо, но по содержанию от него радикально отличается. Пролетарский коммунизм принципиально противоположен формальной демократии. Миф о пролетариате обладает огромной действенной силой, он в высшей степени динамичен и взрывчат. Категория «пролетариата», образованная Марксом, есть прежде всего категория аксиологическая, оценочная. «Пролетариат» есть идея-миф и вместе с тем величайшая ценность, добро, справедливость, положительная мощь. Различение «пролетариата» и «буржуазии» не есть констатирование эмпирического факта, наблюдаемого в таком виде в действительности, это есть прежде всего оценка, суд. Сильный аксиологический элемент есть во всей марксовской теории классово-вой борьбы. Маркс никогда не пришел бы к концепции класса и в особенности пролетариата, если бы он не внес в нее оценку высоты и низости, «добра» и «зла». В марксизме, как и во всякой крайней революционной идеологии,

есть бессознательное переживание дуалистически-манихейского типа, резкого противопоставления царства доброго бога и царства злого бога. Дуализм этот будет преодолен с победой пролетариата. Но самое важное в учении Маркса о мессианском призвании пролетариата это то, что он перенес на пролетариат свойства избранного народа Божьего. Маркс был еврей, отпавший от веры отцов, но в его подсознательном сохранились мессианские чаяния Израиля. Подсознательное всегда бывает сильнее сознания. И вот для него пролетариат есть новый Израиль, избранный народ Божий, освободитель и устроитель грядущего царства земного. Пролетарский коммунизм Маркса есть секуляризованный древне-еврейский хилиазм. Избранный народ заменяется избранным классом. Научным путем невозможно было прийти к такой идее. Это идея религиозного порядка. Тут сердцевина религии коммунизма. Мессианское сознание всегда ведь древне-еврейского происхождения, оно чуждо эллинской мысли. Таково и русское мессианское сознание. Мессианское чувство, мессианское сознание дает огромную силу, оно вдохновляет, вызывает энтузиазм, подвигает на жертвы. Оно вдохновляет и социалистическое рабочее движение. Если в движении социал-демократическом оно ослабело, если это движение обуржуазилось, то в коммунизме это мессианское сознание очень сильно. У коммунистов есть острое чувство на-

ступления рокового часа истории, мировой катастрофы, после которой начнется новая эра для человечества. Только при этом чувстве возможна нечеловеческая энергия и активность коммунистов. Марксистская теория Zusammenbruch'a капиталистического общества и есть вера в то, что наступит час страшного суда. Элемент эсхатологический очень силен в революционном коммунизме. Близятся времена и сроки, происходит прорыв во времени. Это есть то, что главный теоретик религиозного социализма в Германии Тиллих обозначает словом Kairos, как бы прорыв вечного во время. Марксизм совсем не может этого выразить в терминах своей поверхностной материалистической философии, но именно это есть в его подпочве, в подсознательном. И в этом его сила. Тут разрывается цепь детерминизма, обнаруживается прерывность в эволюции, совершается скачок из царства необходимости в царство свободы, кончается история и начинается сверх-история.

В русской революции произошла встреча и соединение двух мессианских сознаний — мессианства пролетариата с мессианством русского народа. Русский народ как-бы отождествился с пролетариатом, с которым он совсем, конечно, не совпадает эмпирически. В душе русского народа издревле глубоко запало мессианское чувство великого религиозного призвания. Еще в XV веке инок Филофей построил теорию о

Москве, как о третьем Риме. После падения Византийского царства русское царство осталось единственным православным царством в мире, единственным носителем истинной православной веры. Все остальные народы изменили чистоте христианской веры. Москва есть Третий Рим, новый и последний Рим. Это мессианское сознание осталось в русском народе на протяжении столетий, претерпевая различные метаморфозы. Оно претерпело трагический надлом в религиозном расколе XVII века и приобрело новые формы в левом крыле раскола. Оно перешло к верхнему культурному слою XIX века, к русским писателям и мыслителям. Оно в секуляризованной форме осталось у русских революционеров XIX века и в крайней форме выразилось у анархиста Бакунина. У Достоевского выразилось это мессианское чувство в идее русского народа, как народа богоносца. Когда К. Леонтьев потерял веру в положительное религиозное призвание русского народа, то он начал верить, что русский народ родит из своих недр антихриста, т.е. все же обладает мессианством, но темным. И в своей последней, не только секуляризованной, но и совершенно обезбоженной форме русское мессианство проявилось в большевизме, в коммунизме. И коммунизм русский верит, что свет придет с Востока, что свет русской революции просветит буржуазную тьму Запада. Русский народ не осуществил своей старой идеи Москвы,

как Третьего Рима. Императорская Россия была очень далека от того, чтобы походить на Третий Рим. Но вместо Третьего Рима он осуществил Третий Интернационал. И в этом Третьем Интернационале произошло злобещее сочетание русской национальной мессианской идеи с интернациональной, пролетарской мессианской идеей. Вот почему русская революция, вдохновленная пролетарской интернациональной идеей, все-таки есть русская национальная революция. Религия коммунизма не русского происхождения, но она своеобразно преломилась в русском религиозном типе. Русскому же религиозному типу присуще эсхатологическое ожидание наступления царства Божьего на земле.

III.

Коммунизм есть сложное явление и ему нельзя просто сказать «да» или «нет». В коммунизме есть правда и есть ложь, жутко перемешанные. И вот, если положить на чашу весов правду и ложь коммунизма и посмотреть, что перевешивает, то мы увидим, что многое в коммунизме есть его правда и лишь одно есть его ложь. Но эта одна неправда столь безмерно превышает все его правды, что правды оказываются искаженными. В чем же правда коммунизма? Можно установить целый ряд положений, в которых правда на стороне коммуниз-

ма. Прежде всего это правда отрицательная, критика лжи буржуазно-капиталистической цивилизации, ее противоречий и болезней. И это есть также правда обличения выродившегося, упадочного лже-христианства, приспособленного к интересам буржуазной эпохи истории. Но есть и положительная правда в замысле организации и регуляции хозяйственной жизни общества, от которой зависит жизнь людей и которая не может быть дальше предоставлена игре индивидуальных интересов и произволов. Идея планового хозяйства есть принципиально верная идея. Либеральный принцип формальной свободы в хозяйственной жизни порождает величайшие несправедливости и лишает значительную часть человечества реальной свободы. Правда коммунизма в том, что общество должно быть *трудовым, обществом трудящихся*, хотя коммунизм и не понимает качественной иерархии труда. Русские коммунисты, расклеивая на всех советских заборах слова: «не трудящийся да не ест», вероятно не подозревали, что слова эти принадлежат Ап. Павлу. Правда коммунизма в том, что *не должно быть эксплуатации человека человеком и класса классом*. Господство человека над стихийными силами природы не должно переходить в господство человека над человеком. Правда, что *распадение общества на классы*, ведущие между собой борьбу, должно быть преодолено и что классы должны быть заменены профессиями. Правда, что поли-

тигеский строй должен представлять реальные хозяйственные нужды и интересы людей, т.е. быть профессионально-трудовым. С этим связана критика формальной демократии. Политика должна служить экономике. Это есть требование социального реализма. Правда, что политика должна быть связана с цельным мирозерцанием. Политика обездушенная, не подчиненная великой идее не может зажигать души. Правда, что теория и практика должны быть соединены в целостном типе культуры и жизни. Высший культурный слой, элита не может оставаться оторванным от социальной жизни, лишенным социального базиса, он должен служить социальному целому. Наконец, правда, что национальный эгоизм и обособленность, порождающие вражду и войны, должны быть преодолены в сверх-национальной организации человечества. Коммунизм ставит перед всем миром великую проблему радикального социального переустройства. Весь мир горит, жаждет трансформации, ищет новой, лучшей жизни. Сила коммунизма в том, что он имеет целостный замысел переустройства жизни мира, в котором теория и практика, мышление и воля слиты. И в этом коммунизм подобен средневековому теократическому замыслу. Коммунизм подчиняет жизнь отдельного человека великой мировой сверх-личной цели. Он по новому возвращается к пониманию жизни, как служения, которое совершенно исчезло в дехристианизиро-

ванную буржуазно-либеральную эпоху. Каждый молодой человек чувствует себя строителем нового мира. Пусть это будет строительство Вавилонской Башни, но оно наполняет жизнь последнего из людей захватывающим сверхличным содержанием. Экономика есть уже не частное дело, а мировое дело. Человек принудительно освобождается от частной жизни, он переустраивает мир. Необычно увлекает молодежь, что мир стал пластичен, что его можно как угодно лепить, как угодно переустроить. Индивидуального человека коммунизм отрицает, но коллективного человека он признает всемогущим. Каждый человек призван к коллективному переустройству мира. Тяжесть прошлого, истории, традиции, которые так сильны на Западе, сброшены, творение мира начинается как-бы сначала. Сама свобода у народов Запада мешает радикальному переустройству мира. Сохранение status quo дает ощущение свободы, изменение же ощущается как насилие. Свободу коммунизм понимает совсем не как возможность избрания, возможность повернуть направо и налево, а исключительно как возможность реализовать свою энергию, решив повернуть в одну сторону. Свобода избрания кажется обесиливающей, подрывающей энергию. Если сравнить советскую Россию, напр., с Францией, то можно сказать, что первая есть страна принуждения, вторая же есть страна свободы. Но в стране свободы очень трудно социально рефор-

мировать жизнь, самый принцип формальной свободы стал консервативным принципом. Это — один из парадоксов свободы. В русском коммунизме обнаружилась огромная витальная сила. Но ее нельзя отнести исключительно на счет коммунизма, который есть лишь условная символика, это есть прежде всего витальная сила русского народа, сила раньше скованная и теперь расковавшаяся.

Но ложь коммунизма более велика, чем его правда. Она исказила и его правду. Это есть прежде всего *ложь духовная, а не социальная*. Ложь и ужасен самый дух коммунизма. Дух этот есть отрицание духа, отрицание духовного начала в человеке. Ложь коммунизма есть ложь безбожия. Отсюда все вытекает. Безбожие не может пройти даром. Отсюда и бесчеловечие коммунизма. Отрицание Бога приводит к отрицанию человека. Коммунизм не останавливается в среднем и переходном гуманистическом царстве. Он отверг Бога не во имя человека, как то часто бывало, а во имя третьего принципа, во имя социального коллектива, нового божества. Коммунизм последовательно отверг то, что называют христианским « мифом ». Гуманизм не дошел до последовательного и окончательного его отвержения. Христианский « миф » есть не только миф о Боге, но также и миф о человеке, богочеловеческий миф. Сначала хотели отвергнуть только одну половину христианского « мифа », « миф » о Боге. « Миф » же о чело-

веке оставили. Идея центральности и верховенства человека есть остаток христианского « мифа ». Человек есть Божья идея и Божье творение, образ и подобие Божье. В этом его высшее достоинство и безусловное значение. Диалектика гуманистического процесса была такова, что сначала отвергли Бога, но образ и подобие Божье в человеке еще оставили и на этом основывали безусловное значение человека. Это с необычайной силой и остротой выражено в антропологической философии Л. Фейербаха. Бога он отверг, теологию заменил антропологией, но человек у него обладает еще божественными свойствами. Человек творит Бога по своему образу и подобию. Но это есть лишь вывернутая наизнанку христианская истина о творении человека по образу и подобию Божьему. Христианский « миф » о человеке у Фейербаха остается, философия Фейербаха безбожна, но не бесчеловечна. Антропоцентрический миф еще христианского происхождения, Маркс вышел из Фейербаха и усвоил себе все аргументы феербаховского атеизма. Но он пошел гораздо дальше в разрушении христианского теоантропического « мифа ». У него нет уже феербаховской веры в человека, как божество. Он утверждает не антропоцентризм, а социцентризм или пролетарицентризм. У него не остается уже в человеке образа и подобия Божьего. Человек есть образ и подобие общества. Он целиком продукт социальной среды, экономики своей эпохи и

класса, к которому принадлежит. Человек есть функция общества и даже только функция класса. Человека нет, есть лишь класс. И когда не будет уже классов, тогда также не будет человека, будет социальный коллектив, коммунистическое общество. Таков последний результат отрицания Бога, отрицания образа и подобия Божьего в человеке, духовного начала в человеке. Все отрицательные стороны коммунизма отсюда вытекают. Коммунизм есть социальная идолатрия. Отрицание живого Бога всегда ведет к созданию ложных богов. Социальный коллектив, которому воздаются божеские почести, заменяет собой и Бога и человека. Центр сознания перемещается. Нет уже личной совести, личного разума, нет уже личной свободы. Есть только совесть коллектива, разум коллектива, свобода коллектива. Очень поучительна в этом отношении автобиография Л. Троцкого, очень эгоцентрическая, но и очень талантливая, повествующая о драматической судьбе революционной личности в революционном коллективе. Троцкий после Ленина главный творец большевистской революции. Он очень типичный революционер. Но он не настоящий коммунист, не до конца коммунист. Он еще допускает возможность индивидуального мнения, индивидуальной критики, индивидуальной инициативы, он верит в роль героических революционных индивидуальностей и себя, конечно, причисляет к таковым. Он не по-

нимает того, что можно было бы назвать мистикой коллектива и что это и есть самая жуткая сторона коммунизма.

Из безбожия и бесчеловечия коммунизма вытекают все его неправды. Неправда кровавого насилия, которым он хочет осуществить социальную правду, неправда тирании, которой не может потерпеть достоинство человека. Допущение каких угодно средств для осуществления своей цели, которую почитают высшей и единственной. Злоба, ненависть и месть, как путь осуществления совершенной жизни, братства людей. В учении Маркса был демонический элемент, который и определил непобедимый динамизм этого учения. Маркс верил, что добро может быть осуществлено через зло, что свет может быть добыт через тьму, что свобода произойдет от необходимости. Зло должно возрасть, тьма должна сгущаться. Так понимал он диалектику общественного процесса. Положение рабочих должно ухудшиться в капиталистическом обществе (*Verelendungstheorie*), рабочие должны все более и более озлобляться и проникаться мстительными и насильническими чувствами. На этом основано революционно-мессианское упование Маркса. Маркс хотел, чтобы рабочий класс, который есть эмпирическая реальность, проникся пролетарским сознанием. Но когда он проникается пролетарским сознанием, тогда у него возрастает чувство *ressentiment*, обиды, зависти, ненависти, мести.

Необходимо делать различие между «рабочим» и «пролетариатом». Рабочий есть трудящийся, труд же священен. Положение рабочего тяжелое и оно должно быть улучшено. Необходимо бороться за освобождение рабочих от рабства. Но пролетарий не есть просто рабочий, это рабочий, который проникнут мессианской идеей пролетариата, его грядущей силой. Пролетариат совсем не есть эмпирическая реальность, пролетариат есть идея. И в этой своей стороне марксизм, исповедующий сознательно самый наивный материализм, есть крайний идеализм. Он хочет подчинить действительность «идее» и эта «идея» насилует и калечит действительность. Не следует понимать слишком буквально материалистическую символику коммунизма, она условна и есть лишь борьба против религии и христианства. В действительности коммунизм очень спиритуален и идеалистичен. Самый материализм коммунизма есть спиритуальный и идеалистический материализм, в котором сама материя не играет почти никакой роли. И эта спиритуальность есть темная, безбожная спиритуальность. Обвинять коммунистов нужно в том, что они слишком люди «идеи», а не в том, что они недостаточно люди «идеи», Для них не существует живой человеческой личности. Бесспорно коммунизму свойствен крайний, совершенно кошмарный экономизм, который вытесняет все остальные стороны жизни и подавляет жизнь. Советские коммунистические

органы печати наполнены исключительно экономикой, в них нет ничего другого. Но это совсем особого рода экономика, это экономика спиритуальная и метафизическая, заменяющая Бога и духовную жизнь, обнаруживающая подлинное бытие, сущность вещей. Самый экономизм не Маркс выдумал, как не он выдумал и материализм. Материализм взят им из буржуазной просветительной философии XVIII века. Экономизм взят им из капиталистического общества XIX века. Но марксизм придал этому экономизму метафизическую и даже религиозную окраску. С ним связываются мессианские упования. Пятилетка, которая ставит себе прозаическую цель индустриализации России и объективно совсем не есть социализм, а государственный капитализм, переживается с религиозным пафосом. Извращение иерархии ценностей произошло уже в буржуазно-капиталистическом обществе. В нем уже отрицались духовные ценности, как верховные. В нем уже произошло качественное понижение уровня культуры. Это общество уже поклонилось мамоне. То исключительное значение, которое приобретает техника в коммунистическом строительстве, взято из индустриально-капиталистической цивилизации, часто есть подражание Америке. Но в коммунизме увлечение техникой получает зловещий эсхатологический оттенок. Коммунизм раздирается основным противоречием: он вдохновляет мировой идеей пере-

устройства мира, вызывает нечеловеческую энергию и внушает энтузиазм и вместе с тем он осуществляет серый, скучный земной рай, бюрократическое царство, в котором все будет рационализировано и не будет уже тайны и бесконечности. Экономизм оказывается последним уделом человека, вне этого нет уже никакой жизни, никакого бытия. Окончательно убиваются великие идеи Бога и человека и с ними падает все содержание человеческой жизни, остается лишь экономика и техника.

Невозможно понять коммунизм, если видеть в нем только социальную систему. Страстность антирелигиозной пропаганды и антирелигиозных гонений в советской России можно понять, если увидеть в коммунизме религию, которая хочет заменить собой христианство. Лишь религии свойственно притязание быть носительницей абсолютной истины, на это не может притязать никакое политическое и экономическое направление. Лишь религия может быть эксклюзивной. Лишь религия знает обязательный для всех катехизис. Лишь религия может притязать на обладание всей человеческой душой до самой глубины. Никакая политика, никакое государство не может на это притязать. Коммунизм гонит все религии, потому что он сам есть религия. Сознавая себя единственной истинной религией, он не может терпеть наряду с собой других ложных религий. И он

есть религия, которая хочет осуществить себя силой и принуждением, не считаясь с свободой человеческого духа. Это есть религия царства этого мира, последнего и окончательного отрицания мира потустороннего, отрицания всякой духовности. Именно поэтому и самый материализм делается спиритуальным и мистическим. Коммунистическое государство совсем не есть обыкновенное светское, секуляризованное государство. Это есть государство священное, «теократическое», берущее на себя выполнение функций, которые принадлежат церкви. Оно формирует человеческие души, сообщает им обязательное вероучение, требует всей души, требует, чтобы ему воздавалось не только «кесареву», но и «Божье». Очень важно понять этот лже-теократический характер коммунистического государства. Им определяется вся его структура. Это есть система крайнего социального монизма, в котором нет различия между государством, обществом и церковью. Поэтому никакой церкви это государство не может терпеть наряду с собой или может терпеть лишь временно и по соображениям оппортунистическим. Старое христианское теократическое государство тоже не могло терпеть наряду с собой никакой другой религии и церкви. Это находилось в существенном противоречии с христианской свободой духа и являлось источником крушения теократии. Коммунистическая

« теократия » более последовательна, ибо свобода духа не входит во вдохновляющую ее веру.

Христианство не осуществило своей правды в полноте жизни. Христианство осуществило себя или условно-символически в теократиях, которые не хотели знать свободы, т.е. основного условия всякой подлинной реализации, или практиковало систему дуализма, как в новой истории, когда власть христиан ослабела. И потому явился коммунизм, как кара и напоминание, как извращение какой-то подлинной правды. В коммунизме есть эсхатологический момент. Апокалипсис означает не только откровение конца истории. Существует также апокалипсис внутри истории. Конец всегда близок, время всегда соприкасается с вечностью. Мир нашего времени совсем не есть абсолютно замкнутый мир. Но бывают времена, когда это стояние времени перед вечностью острее чувствуется. Эсхатологический момент означает не только суд над историей, но и суд внутри истории. Коммунизм есть такой суд. Правда, которая не хотела себя осуществлять в красоте, в Божьей красоте, осуществляется в уродстве. Тут мы стоим перед очень интересным феноменом. Русские коммунисты впервые в истории попытались осуществить в жизни коммунистическую идею *. Но как они вошли в жизнь,

* До этого бывали частичные коммунистические вспышки.

с какими душевными чертами, с каким выражением лица ? Они вошли с чертами необыкновенного душевного и нравственного уродства, необыкновенной безблагодатности. Благодать красоты не осенила их прихода в жизнь. Поэтому у коммунистов есть *ressentiment*, они раздражены тем, что производят безобразное впечатление. Все оказалось уродливым: уродливое выражение лица, уродливые жесты, уродливо-неблагородный душевный уклад, уродливый уклад советского революционного быта. Это имеет глубокий онтологический смысл. Пусть в коммунизме есть большая социальная правда. Я убежден, что она есть. Но уродство в осуществлении этой правды означает, что она смешалась с большой неправдой, что Бог отошел от путей ее осуществления. Уродство есть всегда знак онтологического повреждения. Ибо подлинное просветленное и преображенное, облагодатствованное бытие есть красота. В русской коммунистической революции совсем нет красивых театральных жестов великой французской революции, нет красивой риторики. Русский народ вообще не театрален и не риторичен. Ленин писал и говорил умышленно некрасиво и грубо, без всяких украшений. В этом сказался аскетизм и бедность русского нигилизма. Л. Троцкий кажется единственный человек в русской революции, который дорожит красивым жестом и театральностью, который хочет сохранить красоту образа револю-

ционер. Но в уродстве русских коммунистов есть и своя положительная сторона, в нем есть правда о неправде и есть симптом неправды в путях осуществления правды. Это совсем, конечно, не значит, что те, которые противостоят коммунизму, всегда отличаются красотой.

IV.

Что противопоставить коммунизму, как бороться с ним? То, что обычно ему противопоставляют, и то, как обычно с ним борются, скорее укрепляет коммунизм, чем ослабляет его, и дает новые аргументы его защитникам. В коммунизме страшнее всего смещение правды и лжи. И потому важнее всего не отрицать правду, а отделять ее от лжи. Коммунизму нельзя противопоставить никаких реставраций, нельзя противопоставить капиталистическое общество и буржуазную цивилизацию XIX и XX века. Индивидуалистические и либеральные принципы совершенно уже изжиты и в них нет уже витальной силы. Когда относительные начала претендуют на абсолютное значение, то противопоставить им нужно прежде всего подлинные абсолютные начала, а не другие относительные начала, тоже претендующие на абсолютное значение. Когда время восстает против вечности, то противопоставить ему можно лишь самую подлинную вечность, а не другое время, уже вызвавшее против себя бурную

реакцию и не без основания ее вызвавшее. Противопоставить коммунизму нельзя идеи, противопоставить можно лишь религиозные реальности. Марксизм разоблачил ложь возвышенных идей в истории. Марксизм ложен не потому, что эти возвышенные идеи правят историей. Старый идеализм кончен. Марксизм ложен потому, что существует Бог, как потрясающая реальность, что Ему принадлежит сила и последнее слово. Противопоставить интегральному коммунизму, коммунизму материалистическому можно лишь интегральное христианство, не риторическое разорванное и упадочное христианство, а христианство возрожденное, осуществляющее свою вечную правду в замысле целостной жизни, целостной культуры, целостной социальной правды. Все будущее христианских обществ зависит от того, откажется ли решительно христианство или вернее христиане от поддержания капитализма и социальной неправды, станет ли христианское человечество на путь осуществления во имя Бога и Христа той правды, которую коммунисты осуществляют во имя безбожного коллектива, во имя земного рая. Если рабочие классы представляют исключительно благоприятную почву для усвоения яда безбожия, если воинствующий атеизм стал именно «опиумом для народа», то первыми виновниками тут являются совсем не агитаторы революционного социализма, — виновники сами христиане,

виновен старый христианский мир. Не христианство виновато, а христиане, которые слишком часто бывали лже-христианами. Добро, которое не осуществляет себя в жизни, которое превратилось в условную риторику и прикрывает собой действительное, реальное зло и несправедливость, не может не вызывать против себя бунта и бунта справедливого. Христиане буржуазной эпохи истории создали для рабочего класса очень тяжкие ассоциации, они нанесли с трудом поправимый вред делу Христову в душах угнетенных и эксплуатируемых. Положение христианского мира перед лицом коммунизма есть не только положение носителя вечной и абсолютной истины, но также положение виновного, своей истины не реализовавшего и ей изменившего. Коммунисты свою истину реализуют и этот факт они могут всегда противопоставить христианам. Правда, христианскую истину гораздо труднее реализовать, чем истину коммунистическую. От христиан требуется гораздо больше, а не меньше, чем от коммунистов-материалистов. И если они исполняли меньше, а не больше, то в этом не виновата сама истина христианства. Историческая трагедия в том, что подлинному христианству, повидимому, никогда не может принадлежать господство и власть в этом мире. Господство и власть принадлежат лже-христианству. Мир уходит от христианства.

Между тем только на почве христианства

можно преодолеть мучительный конфликт между личностью и обществом, который коммунизм решает в сторону окончательного подавления личности обществом. Также лишь на почве христианства можно преодолеть не менее мучительный конфликт аристократического и демократического принципа в культуре, который коммунизм решает в сторону окончательного низвержения аристократического принципа культуры. На почве материалистического коммунизма человечеству грозит совершенное обезличение и совершенное истребление благородства культуры. Христианство знает тайну сочетанья личного и общественного, аристократического и демократического. Христианство раскрывает абсолютное благородство детей Божьих и оно обращено ко всякой человеческой душе, ко всему человечеству. На почве безрелигиозной или аристократия угнетает и эксплуатирует демократию или демократия вульгаризирует души, понижает уровень культуры, истребляет благородство. Интегральное христианство может принять всю правду коммунизма и отвергнуть всю его ложь. Если в мире не будет христианского возрождения и при том возрождения не элит только, а и широких народных масс, то безбожный коммунизм победит во всем мире. Будет ли так, мы не знаем, это тайна свободы. Для слишком большого оптимизма нет оснований. Христианству предстоит еще создать новый тип святости в самой

гуще мира. Будущее все равно принадлежит рабочим массам, трудящимся, это неотвратимо и в этом есть правда. И весь вопрос в том, какого эти массы будут духа, во имя чего они будут творить новую жизнь, во имя Бога и Христа, во имя духовного начала в человеке или во имя обожествленной материи, во имя обожествленного человеческого коллектива, в котором исчезнет и самый образ человека, умрет человеческая душа. Русский народ поставил эту проблему перед всем миром.

1931 г.

В. Н. ИЛЬИН

Материализм и материя

В. Н. Ильин

МАТЕРИАЛИЗМ И МАТЕРИЯ.

1. Торжество материализма есть разрушение материи.

То, что в наше время существуют люди, считающие себя материалистами, есть в большинстве случаев плод недоразумения. Это недоразумение легко рассеять.

Многие, например, думают, что материализм есть выражение любви к подлинным материальным благам, так как эти блага и связанные с ними удовольствия — единственная, по их мнению, ценность, стоящая внимания. Другим кажется, что только материализм есть научное мирозерцание, стоящее в курсе современного прогресса науки. Уважение к материализму здесь покоится на уверенности, что материализм изучает и познает материю, а материя есть единственная, подлинно существующая, несомненная реальность.

Говоря кратко: материализма придерживаются по той причине, что считают его единственно надежной опорой материального благополучия и точного знания. К этому присоеди-

няется у революционно настроенных « марксистов », вроде, например, российских и других коммунистов, пафос борьбы с так называемым « старым миром ». Борцы полагают, что в « новом мире », который они проповедуют, должна царить такая новость, как материализм.

Так ли это ?

Конечно, нет. Смешно говорить о новизне миросозерцания, которому насчитывается более 2.500 лет, которое не раз возникало и не раз падало — совершенно независимо от прогресса точного знания.

Материализм на словах объявил себя другом материи, а на деле оказался либо ее жесточайшим врагом, либо, в лучшем случае, проявил равнодушие к ней.

Врагом материи материализм оказывается не только на практике материального строительства, врагом материи материализм оказывается и в точном научном знании, опять-таки в лучшем случае проявляя равнодушие к материи.

Почти нет материалистов, которые прославили бы себя в качестве крупных ученых в сфере точного знания, на которое особенно претендует материализм.

В огромном большинстве случаев материалисты ничего не дали естественным наукам, наукам о материи живой или мертвой, организованной или неорганизованной. Почти всегда материалисты лишь писатели-философы, люби-

тели догматических словопрений, а не лабораторных работ, начетчики, а не специалисты точных изысканий.

В древности материалист Демокрит (V в. до Р. Х.) *нижего не дал для математики и естествознания*; живший же немного ранее Пифагор, верующий и аскет, основатель мистикорелигиозной секты, сделал много математических и физических открытий; помимо своей знаменитой теоремы, без которой нельзя шагу ступить в практической геометрии, он открыл некоторые акустические (звуковые) законы, шарообразность земли, и даже утверждал ее вращение вместе с прочими планетами вокруг центрального очага («Гестии»). Материалисты Эпикур и Лукреций ничего не дали точному знанию, учивший же о едином Боге знаменитый Аристотель был спиритуалист и одновременно величайший естествоиспытатель своего времени, создавший между прочим научную классификацию животного царства, и основавший научную логику, сохранившую значение и в наше время. В средние века материалистическая секта магометан «ассасинов» прославилась убийствами, жестокостью и ненасытным эгоизмом, в то время как в среде религиозно настроенных арабов, евреев и европейцев процветали науки.

В новое время близкий к материализму Бекон Веруламский *нижего не открыл* в науках о природе, в то время, как основатель идеали-

стической философии знаменитый Декарт был одним из величайших математиков и физиков всех времен: он создал аналитическую геометрию и научную оптику. Материалисты Гассенди и Гоббс были только материалистическими философами — писателями (Гоббс был крайний монархист и своим политическим цинизмом и бесстыдством принес большой моральный вред), в то время как веровавшие в Бога Ньютон и Лейбниц навеки вошли в память человечества, как создатели высшей математики (и дифференциального исчисления), без которого в наше время не может обойтись ни один инженер. Паскаль был мистик и подвижник, и он же создатель теории конических сечений, научной гидростатики и изобретатель гидравлического пресса. Наоборот, Вольтер, осмеивавший Паскаля и делавший безбожное употребление из естественно-научной философии Ньютона, не имеет ни малейшего значения для науки и принадлежит только литературе.

Всем известно, что современный материализм, который коммунисты насильственно насаждают в России, происходит в значительной мере от так называемой философии просветительства (XVIII в. во Франции). Однако, и тут мы наблюдаем удивительную вещь: из этих философов лишь наиболее бездарные, ничего не давшие естественным наукам, Ля Меттри, Гольбах и Кондильяк, являются настоящими атеистами и материалистами. Талантливый же

Дидро и, особенно, знаменитый математик Д'Аламбер никогда не были ни материалистами, ни настоящими атеистами. Плеханов, рекомендуя читать «превосходных», как он выражается, французских материалистических писателей XVIII в. — рекомендовал самых плохих, не имевших никакого научного значения даже и в свое время. А в наше время пользоваться ими может лишь совершенно равнодушный к судьбам науки человек.

В первой половине XIX в., вслед за падением влияния идеалистической немецкой философии, вспыхнуло новое увлечение материализмом. Но и тут материалисты не имеют никакого значения в движении и расцвете естественных наук этого периода: наоборот — они только пытаются следовать за науками, они паразитируют на этих науках. Материалисты этой эпохи являются в подлинном смысле эксплуататорами и дармоедами в науке и технике; они пользуются чужим научным трудом и чужими открытиями, хватают верхушки не ими созданного знания и делают из них произвольные выводы. Сами же настоящие естествоиспытатели либо стоят в стороне от материалистического движения, либо прямо ему противостоят — и притом нередко в лице своих величайших представителей.

При этом надо еще заметить следующее: влиятельные и талантливые материалисты XIX века имеют значение и заслуги отнюдь не в

области естественных наук, но в сфере либо гуманитарных, либо общественных знаний. Таковы: Людвиг Фейербах, Давид Штраус, Карл Маркс и другие. Никто из них, в том числе и бесспорно крупный Маркс, не имеет ни малейшего значения в естественных науках, а между тем марксисты только и делают, что клянутся именем естественных наук.

Из материалистических писателей 60-х годов наибольшее влияние оказали (главным образом в России, среди полуграмотной, веровавшей в материализм, как в религию, молодежи): Бюхнер («Сила и материя»), Фохт («Физиологические письма») и Молешотт («Круговорот жизни»). Никто из них не сделал ни одного самого ничтожного открытия. Это и дало полное основание знаменитому химику Либиху, горячему противнику материализма, назвать материалистов *дилетантами*. Упомянутый Молешотт имел дерзость написать свое сочинение «Круговорот жизни» в форме ответа на «Химическое письмо» Либиха. Подзаголовок был таков: «Физиологический ответ на химическое письмо Либиха». Наглость Молешотта станет перед нами в особенно ярком свете, если мы вспомним, что он ничего не дал физиологии (Молешотт в Риме преподавал... философию), а Либих — гениальный химик, отец органической химии, химической технологии и научной агрономии.

Великий благодетель рода человеческого,

знаменитый Пастер, своими бактериологическими исследованиями совершивший радикальный переворот в биологии и медицине, и спасший миллионы людей от мучительной смерти, презирал материализм и гордился тем, что веровал в Бога, как простой крестьянин — ибо и сам он был выходцем из простого народа. Пусть укажут нам среди материалистов и атеистов такого ученого, открытия которого отразились бы столь непосредственно и благотворительно на жизни и здоровье людей !

Для всего марксистского правоверия характерно то, что оно интересуется материей лишь на словах. На деле же им проявляется полное равнодушие к ней. Среди всех статей и книг марксистского направления, вышедших за время революции в России — особенно среди статей официального журнала «Под знаменем марксизма», в сущности нет ни одной серьезной и по существу касающейся строения вещества и физико-математической теории материи. Наоборот, новейшие и принесшие огромную пользу в деле развития учения о материи теория относительности Эйнштейна и теория квант Планка — всячески поносятся в этом журнале, подвергаясь курьезным упрекам в богословии, буржуазности* и проч., которые лишь свидетельствуют о полной неспособности этих «кри-

* Сам Альберт Эйнштейн, как известно, придерживается весьма левого, близкого к коммунизму направления.

тиков» бороться с ними равным научным оружием.

Вообще для материалистов, особенно марксистской формации, характерна яркая враждебность ко всякому прогрессу науки о материи и нежелание оставить старый рутинный механический материализм. Тимирязев, например, не скрывал своего враждебного отношения к новым течениям естествознания. Впрочем, и раньше, до появления у нас марксизма, пресловутый Лесгафт, кумир российских нигилистов, без стеснения демонстрировал свое полное пренебрежение к проблемам материи и жизни, и продолжал твердить старые механические формулы.

Никаких открытий в своей области он не сделал и для науки прошел бесследно.

Когда материалисты-марксисты вместе с Ля-Меттри (XVIII в.) утверждают: «Человек есть только машина», — то это вовсе не означает, что человек действительно машина, но лишь то, что он должен с их точки зрения превратиться в машину, стать автоматом. Машинно-автоматическое состояние для них — идеальное, предельно-желательное.

2. Материализм есть духовное течение.

Материализм и материалистический коммунизм могли сколько угодно проваливаться и в теории и на практике (они только и делали,

что проваливались). *Духовное состояние материалистической веры* брало верх над убийственно неопровержимыми аргументами материальной действительности. Факты материальной действительности противоречили по всем пунктам материалистической вере, но не могли ее опровергнуть. Это ли не доказательство того, что *сам материализм есть духовное тегение, духовное направление ?*

И вот, перед нами странное парадоксальное зрелище: материализм, уродуя и изничтожая материю, всячески противоборствуя усовершенствованным учениям о ней, не только бессилен против духа, но и сам есть дух, правда, дух низших форм бытия, дух мрака, тупого застоя и бессмыслия, часто дух ненавистничества и злобы, — « Дух самоуничтожения и небытия », по выражению Достоевского.

Материализм оказывается разновидностью духовности, религии, для которой материя — далекий и абсолютно непонятный «бог», «идол».

Материя есть такой бог материалистов, от носительно которого нужно знать лишь ряд вызубренных и неподвижных формул и исповедовать, что *всё от него*.

Материалистом можно быть лишь на словах, но не на деле, на деле можно быть лишь человеком помраченной или просветленной духовности. А материя — лишь предлог, *предлог, огонь веский, ибо материя сама по себе хороша, прекрасна и заслуживает самой напряженной и*

страстной любви. Притом же геловек, находящийся в состоянии просветленной духовности, именно в материю воплощает свои добрые порывы и через материю творит добро.

3. Две материи и два материализма.

Из предыдущего естественно заключить, что существуют, собственно, две материи. Одна — в представлении материалистов: материя, как всеобъемлющий принцип всей вселенной и всякого бытия — материя, как *субстанция*. Другая — реально существующая, изучаемая экспериментально естествоиспытателями и, главное, ограниченная своей сферой. Это — материя, как *вещество*.

Общего между ними — только термин «материя», т.е. общего столько же, сколько между «железной» энергией инженера и железным мостом, который этот инженер строит, или между «ядовитым» сатириком и ядовитым веществом, стоящим на полке аптечного шкафа. Материалисту-«философу», материалисту-пропагандисту очень хочется показать, что «железная» энергия инженера и железо моста, который он строит — в сущности одно и то же. И что «яд» сатирика и яд аптекаря одно и то же. Или что на картине Рафаэля те же «краски и оттенки», что и в оловянных тюбиках, продающихся в магазине красок.

Поэтому материалисты порой так ухажи-

вают за естествоиспытателями и технологами. Им кажется, что изучаемое в лабораториях и вырабатываемое заводами вещество есть та материя, которой одной только и исчерпывается вся сущность мира, т.е. что сознательная волевая энергия инженера так же исключительно сводится к веществу мозга, как материал моста сводится к железу. Идеи моста, расчет моста, то, что мост создан сознательно — этого они не хотят и не могут принять во внимание. Им кажется, что картина Рафаэля так же сводится к химии красок и анатомо-физиологии мозга, как содержимое оловянных тюбиков и черепной коробки. Ну и что же ? — У каждого из материалистов есть и черепная коробка и у многих из них, без сомнения, более чем достаточно средств закупить краски всего мира. А Мадонны все-таки не получится, — даже если б кто-нибудь из них и умел рисовать. Потому что замысла Мадонны нет у них, *нет ее идеи !*

Известный материалист Карл Фохт так и утверждал: по его мнению, мысль так же выделяется мозгом, как желчь печенью, а моча почками. — Достойная характеристика его собственной мысли ! — Для него Рафаэль, конечно, был не чем другим, как « выделителем » красок. Рейх, последователь Фохта, утверждал, например, что англичане практичны потому, что едят мясо, запивая его чаем; что немцы так глубокомысленны и изобретательны по части философских систем лишь благодаря

употреблению кофе... Отличаться же им в области социально-политической препятствует пиво, картофель и овощи...

Материалист « философ » утверждает: *вещество* естествоиспытателя есть единственная « субстанция », « материя », единственное содержание мира и вселенной. Кроме нее нет ничего. Демокрит в древности так и учил: « нет ничего кроме атомов и пустого пространства. Всё прочее есть мнение ».

Достаточно небольшого прикосновения здравого смысла к этой формуле, чтобы она показала свою полную несостоятельность.

Ведь из нее же самой видно, что кроме атомов (т.е. неделимых частичек вещества) существует еще « пустое пространство » и « мнение » — т.е. нечто независимое от материи, некоторое, ошибочное с точки зрения материализма, высказывание. Кто же собственно высказывает ? И вообще, *как могут быть нематериалистические высказывания, если существует только материя ?* Значит, материя может заблуждаться относительно своей собственной сущности и притом настолько, что даже считает себя за не-материю, за не-существующий дух ? Мы спросим себя: откуда у материи могла появиться идея духа ? Притом же из приведенной формулы Демокрита, являющейся по сей день основным догматом материалистов, следует, что атомы находятся в « пустом простран-

стве », что между ними « находится » пустое пространство. Что же это за пространство ?

Выходит, что в мире, кроме материи, есть еще что-то. Вообще материалисты-философы, строя весь мир из материи, поступают совершенно по примеру знаменитого солдата, варившего борщ из топора. Топор действительно варился в воде, но с примесью всех тех продуктов, из которых делают борщ без топора.

Это отсутствие смысла в утверждениях, подобных демокритовскому, и вместе с тем решительное различие между « материализмом » ученых, изучающих вещество, и между материализмом жизнепонимания (философским материализмом), проповедуемым, например, марксистами, великолепно выразил знаменитый Анри Пуанкаре, один из величайших физиков и математиков новейшего времени. Вот его слова:

« Я не совсем понимаю: каково значение слова « материалист » ? Если становятся материалистами всякий раз, когда выдвигают материю на первый план, то ясно, что наука материалистична, ибо естественные науки, и в частности физика и химия, имеют своим предметом материю; но это не значит, что ученые вообще материалисты, ибо их наука не есть вся их жизнь ». (Анри Пуанкаре « Новые представления о материи », перевод с французского).

Вдумаемся хорошенько в последнюю фразу.

Она означает, что ни веществом, ни науками о веществе « жизнь », т.е. мир, не исчерпывается. Кроме материи есть еще нечто, т.е. то самое « мнение », о котором так презрительно говорит материалистическая формула Демокрита. Оно самим фактом своего существования опровергает материализм, как мирозерцание, как философскую систему.

Реальности материи здесь никто не отрицает. Отрицается лишь утверждение ее в качестве *единственного принципа* мира.

В природе самого научного объяснения лежит невозможность освободиться от тайны, которую не раскроет никакая наука, а тем более никакой материализм, тенденциозно эксплуатирующий науку для целей, ничего общего с наукой не имеющих. Тот же Анри Пуанкаре — не без иронии замечает: « ученые существуют, чтобы устранять тайны, которые, конечно, всегда появляются немного далее: но, однако, они любят, чтобы тайны были подальше » . . .

Материализм, как мирозерцание, нелеп, с его претензией объяснить всю полноту бытия. Он не может иметь корней и в самой науке о материи, ибо наука эта никогда не в состоянии устранить последней тайны. И сам материализм должен был признать существование таких непонятных для него и необъяснимых вещей, как « пустое пространство » и « мнение ».

4. Материя и материализм философов.

Философы-материалисты, желая быть последовательными, должны считать материю *всем*. Они должны быть материалистическими монистами («*монос*» по-гречески значит один, единственный). Но, мы видели, что, несмотря на горячее желание, точная формулировка этой мысли невозможна и приводит к нелепости. Однако, если бы они даже имели смелость утверждать, что материя и только материя есть всё — перед ними встанут два абсолютно неразрешимых затруднения.

Бесконечная широта и не выразимое никакими словами разнообразие этого «*всего*» приводит к тому, что назвать это «*всё*» — «*материей*», значит не сказать ровно ничего.

Отвергая во *всем* таинственное и *всё* таинственное, материалисты в сущности утверждают, что они знают всё и следовательно обязаны дать твердое и ограниченное определение этому «*всему*».

И вот тут-то сторонники спиритуализма (учения, по которому основой всего и последней тайной является *дух*) — оказываются в несравненно более выгодном положении, чем материалисты. Ибо, по самому смыслу понятия «*дух*» — оно безгранично, всеобъемлюще и даже не есть понятие, а живая, непосредственно во внутреннем опыте переживаемая и в то же время до конца не определяемая сущность всего бытия,

основа как материи и науки, так даже и самого материализма — ибо, как мы видели выше, сам материализм есть явление духовное.

Очень хорошо говорит в этом смысле психолог Компейре: « тем, кто говорит нам: всё есть материя — мы с большим основанием ответим — всё есть дух. А у тех, кто спросит нас: что такое дух ? мы спросим: а что такое материя ? »

Безнадежность позиции материалистов обнаруживается с особой яркостью при их попытке ответить на этот основной вопрос.

Замечательно то, что под материей они разумеют нечто само собою известное и не требующее никаких разъяснений: всё, что можно взвесить, измерить, пощупать, понюхать, съесть и т.д. Но как только материалист попытается ответить на другой вопрос: *это* измеряется и *как* измеряется, что взвешивается и как взвешивается, *всё-ли* можно пощупать, понюхать и съесть ? — он сейчас же безнадежно запутается.

В самом деле: взвешивать ведь можно лишь, сравнивая с какой-то определенной постоянной единицей веса. Но из физики известно, что эти весовые единицы изменяются в зависимости от их положения на земном шаре, а в междупланетном пространстве понятие веса и совсем теряет обычный смысл. К тому же количество вещества (масса) и вес, как известно, вещи совершенно различные. Мы можем вполне себе представить массу, лишенную веса. Вообще

здесь налицо обычное грубое смешение материи, субстанции философа с веществом физиков. Масштабы, с помощью которых происходят измерения, тоже изменяются и от действия температуры и от скорости, которую они имеют в пространстве. Абсолютного значения масштабы не имеют и о сущности материи нам решительно ничего не говорят.

Теперь предположим, что в нашем присутствии исполняется симфония Бетховена. Глухой захотел бы, чтоб ему объяснили, что происходит в зале, и отчего такой восторг и напряженное внимание на лицах у слушателей; предположим также, что глухой этот хорошо знаком с естественными науками. И вот ему скажут: симфония Бетховена это бумага и типографские краски на партитуре, это колебания воздуха, производимые физическими приборами, это реакция уха и определенных частей головного мозга на эти колебания.

Вряд ли самый отчаянный материалист решится утверждать, что глухой воспринял симфонию Бетховена. Конечно, он может утверждать, что воспринимаемая нормальным слушателем симфония есть материя и больше ничего. Но тогда из сравнения с приведенным случаем глухого видно, что эта «материя симфонии» содержит в себе нечто такое, что не может быть ни взвешено, ни измерено, ни ошупано и т.д. Дело станет еще понятнее, если человек с нормальным слухом будет лишен

всякой музыкальности. Тогда он будет слышать звуки, но не услышит симфонии и так же искренне будет удивляться восхищению слушателей, как и глухой. Подобного рода пример можно привести в сфере живописи и литературы: можно видя не видеть и читая не понимать, если за восприятием частей нет способности воспринимать прекрасного целого. Прекрасное не может быть сведено к тому материалу, которым оно выражается, и назвать это прекрасное материей это значит: либо не сказать ровно ничего, либо приписать материи такие свойства, которые с веществом, с массой естествоиспытателей, не имеют ничего общего.

Из этого следует, что, считая всё происходящее в мире и во вселенной только материей, мы эту материю наделяем такими свойствами, которые бесконечно удаляются от первоначального представления материи, как чего-то такого, что вполне и до конца характеризуется мерой, весом и движением.

Признать же материю *всем* и признать потому ее беспредельность в количестве и качестве, а потому и *неопределимость* (где нет предела, границы — там естественно не может быть определения, о-граничения) — значит отказаться от материализма, значит представить себе нечто непонятное, необъяснимое, в конечном счете таинственное, совсем непохожее на эмпирическую, на опыте познаваемую, измеряемую и

взвешиваемую материю, — на вещество естествоиспытателей.

Если на это возразят, что измеряется не вся материя, а часть ее, то возражение это не будет иметь силы, так как у материалистов речь идет не о части материи, а о *всей материи* и о том, что всё есть материя. Когда мы говорим, что какая-то сущность есть *всё*, то этим мы ее абсолютизируем, т.е. делаем её *безусловной*. А то, что абсолютно, безусловно, то не может быть ни измерено, ни взвешено, ибо измерение и взвешивание суть операции *условные*. Абсолютных мер веса и абсолютных масштабов не существует. Как же абсолютное и безусловное может быть измерено и взвешено тем, что неабсолютно и условно? Затем, безусловная материя есть материя беспредельная, а то, что беспредельно, и не имеет границ, то не может быть ни измерено, ни взвешено, следовательно, оно и не есть вещество. Та лишь материя, которая *не есть всё*, материя ограниченная — лишь она может быть взвешена и измерена, лишь она является веществом. Это вещество изучается естественными науками, но тогда за границей, за пределами этого вещества, должно быть нечто, что не есть вещество, что не есть ограниченная материя.

Всё сказанное имеет силу не только в бесконечности, лежащей за пределами астрономических пространств. Нет, внутри самой материи содержится неделимое, а потому неизмеримое.

В самом деле, или материя делится до бесконечности, тогда она абсолютно непонятна и значит необусловлена; или же деление должно остановиться, — и тогда такая неизмеримая часть материи непротяженна и, следовательно, нематериальна.

Мало этого !

Наряду с материальными процессами, которые могут быть взвешены и измерены, как это показано на примере симфонии, существует нечто, характеризующее такими качествами, как « прекрасное », « возвышенное » и т.д., что к мере и весу по существу дела так же несводимо, как Иван или Петр не могут быть сведены к своему весу и размеру.

В кратких словах: *то, что есть всё — не есть материя. То, что есть материя — не есть всё.*

Сказать: материя — это всё, или, что то же, « материя беспредельна » — это значит сказать: « материя — это дух » или « материя — неопределима ». Ибо, повторяем, что не имеет предела, то не может быть до конца определено. А так как для материалистов материя единственное и абсолютное начало всего, то, следовательно, она, как абсолютно беспредельная, абсолютно беспространственна, не измерима и не протяженна. Эта непротяженность — не только за пределами мировых пространств; эта непротяженность существует и в неделимости атомов. *Ибо, где нет делимости, там нет и про-*

тяженности. Основное же свойство материи есть протяженность. Основное свойство духа — беспредельность и непротяженность. Утверждать всеобщность и абсолютность материи или утверждать неделимость ее элементов — это значит утверждать ее неизмеримость и непротяженность, т.е. нематериальность, т.е. в конечном счете духовность.

Абсолютизирование материи приводит к ее дематериализации, к ее одухотворению.

Сказанное станет для нас особенно ясным, если мы вспомним, что среди тех мыслителей, которые считали материю единственным и основным принципом бытия, считали ее *всем*, был знаменитый христианский философ Тертуллиан, веровавший в Бога и Иисуса Христа. В своем сочинении «о Телѣ Христа» он говорит: «всѣ, что есть — есть своего рода тело; ничто не может быть бестелесным, как только то, что не существует». Древние стоики также считали истинно сущим лишь материю. Но так как они считали материю *всем*, то они именовали ее также *логосом* (словом, дыханием). В их понятиях эта, считаемая *всем*, материя действовала, как разумная сила... Еще замечательнее, что знаменитый протопоп Аввакум считал Бога телесным. Конечно, представление это грубое и наивное, но оно показывает, что признак телесности, материальности психологически не противоречит представлению о высшем существе, об абсолютной сущности. Это так, ибо

сама телесность, материальность, наделенная всеми признаками высшего бытия, превращается в абсолютное существо.

Материалист, если бы желал быть последовательным, должен был бы признать Бога мозговой реальностью такого же порядка, как и всякую другую реальность. Более того, отрицание материализма материалист должен признать такой же мозговой реальностью, как и его утверждение. Это — по той причине, что, с точки зрения последовательного материализма, нет ни истины, ни заблуждений, а всё есть мозговая материальная реальность. Есть мозги, в которых Бог присутствует, есть мозги, в которых он отсутствует. Ничего другого материалист не имеет права сказать, если он желает оставаться материалистом. И тем более не может отрицать существование Бога.

Материализм, таким образом, содержит в себе вопиющее противоречие. И теперь нам вполне понятным делается недоуменный вопрос Анри Пуанкаре: «Я не знаю, что это значит быть материалистом?» Однако, существуют настоящие материалисты. Это совершенно определенный тип, определенная умственная физиономия, определенный духовный склад, сразу бросающийся в глаза и распознаваемый независимо от принадлежности к той или иной социальной группировке. *Несмотря на гастое повторение слова «материя», дело тут не в ней, а в определенном духовном и умственном*

складе, в определенном мирозерцании. Материальные образы лишь символы. Главных символов два: механический атомизм и сенсуализм. Рассмотрим их вкратце.

1. Атомизм. Единственный вид бытия — материальные неделимые частицы-атомы (мы видели, к каким противоречиям приводит это представление у философов-материалистов). Движение, удар, толчок — вот их единственная функция (т.к. атомы инертны и неизвестно, что такое время и пространство, то неизвестно, откуда движение вообще, что такое движение). Количество их не может быть ни уменьшено, ни увеличено. Материя вечна (что такое вечность?) и постоянна. Все существующее, в том числе человеческое тело и явления сознания, суть лишь результаты скоплений и движений абсолютно неодушевленных атомов. Нет никакой разницы, кроме количественной, между органической (живой) и неорганической (мертвой) материей.

2. Сенсуализм. Удары и толчки атомов воспринимаются органами чувств и преобразуются в мозгу органами сознания (что такое «преобразуются?»). Все сознание объясняется физиологически, а физиология — из механики атомов. Все сложные состояния сознания, например, научное мышление, нравственное переживание, любовь, образуются из простых ощущений, имеющих в основе осязание, а последнее

есть опять-таки лишь результат движений, ударов и толчков атомов.

Все, таким образом, есть скопление, разъединение и движение атомов. Миросозерцание этого рода материалистов есть, таким образом, миросозерцание *аггрегатное* (аггрегат — куча, скопление), т.е. такое миросозерцание, где все *сложное* представляется состоящим из *простых* неделимых минимальных *гастижек*, взятых отъединенно и самостоятельно.

С точки зрения научно-эмпирической мы здесь сталкиваемся опять с двумя абсолютно непреодолимыми затруднениями: 1) непонятно первичное возникновение движения у абсолютно инертного атома — на это со всею остротою указал знаменитый физик Дюбуа-Реймон. 2) В опыте мы отъединенных и самостоятельных частиц не знаем, они даны только в своем *взаимодействии* и таким образом *аггрегат* или куча, как сумма самостоятельных частей, есть вымышленная фикция, которую никогда не удастся проверить на опыте.

Это утверждение касается как вещества — материи, так и душевной жизни. Абсолютно отъединенных частиц мы не знаем, а знаем их лишь в соотношении с другими частицами. Точно так же не знаем мы и отъединенных душевных переживаний, например, отъединенного осязания, отъединенного зрения и т.д. Да и внутри этих ощущений даны их смежные градации. Т.е. мы знаем и чувствуем не одно ка-

кое-нибудь определенное, отдельное, осязательное или зрительное и т.п. чувство, но лишь их сочетания и качественные сопоставления: ощущения слабого, или сильного давления, жесткости или шероховатости, различные вкусы, запахи, различные оттенки цветов *. И все это в целостном органическом единстве по отношению к предмету знания. Настолько, что если сознание этой *целостности* исчезает, то появляется так наз. психическая слепота, психическая глухота и т.д.: человек, сосредоточенно занятый чем-нибудь другим, видя — не видит, слыша — не слышит и даже может не ощущать боли от тяжких, иногда смертельных ран.

Сложение целого из частей есть нелепая выдумка, которую невозможно продумать до конца и которая никогда не дана в опыте. В опыте и в мысли всегда даны одновременно и часть и целое в их взаимной обусловленности. Часть, мыслимая отдельно от целого, есть фикция, отвлечение, абстракция.

Поэтому агрегатное, атомистически сенсуалистическое (частично-чувственное) мирозерцание есть в большинстве случаев дурная фантастика или, в лучшем случае, исследовательский прием. *Для того чтобы выстроить дом из кирпичей, нужен предварительно целостный*

* Выражаясь языком научной психологии, мы вынуждены утверждать, что перцепция (отдельное восприятие) без апперцепции (обуславливающего восприятие единого синтетического целого) — невозможна.

замысел этого дома архитектором и сознательные усилия рабочих, осуществляющие этот замысел. «Простая мысль рабочего о том, как положить один кирпич на другой — вот величайшее чудо и глубочайшая тайна». (Л. Андреев).

Сенсуализм есть таким образом совершенно несостоятельная теория знания при атомистическом материализме, ощущения, из которых складывается душевная жизнь, суть не что иное как смутно воспринимаемые движения атомов. («Фантасмы» по выражению Гоббса). Но так как само «смутное восприятие» есть движение атомов, то вся теория душевной жизни и процессов познания, согласно утверждению материалистического сенсуализма, необходимо сводится к формуле: «движение атомов есть движение атомов». Следовательно, никакого объяснения здесь нет, а лишь простое повторение факта.

Но это еще не все. Так как сенсуалист-материалист вынужден сознаться, что о материи он знает лишь на основании ощущений, т.е. на основании элементарных форм душевной жизни, то он необходимо должен признать также, что ему в сущности известна не материя, а только *элементарное ощущение*. Такое утверждение, если его мыслить последовательно, хорошо характеризует психическое состояние лишь какой-нибудь инфузории, которая действительно знает только одни элементарные ощущения. Беда в

том, что прежняя формула «движение атомов» на деле сводится к другой, столь же, впрочем, бездоказательной: «элементарные ощущения суть элементарные ощущения». Всякий, хоть немного знакомый с философией, назовет такое умонастроение примитивной и беспомощной формой идеализма *. *Материалисты вынуждены прийти к идеализму, но только к идеализму плохому и беспомощному. Да и сам марксизм есть в сущности не что иное, как экономический идеализм. Это, впрочем, вполне соответствует тому, что материалисты, отрицая философию и метафизику, сами являются не чем другим, как плохими философами и метафизиками.*

Ла-Меттри (автор книги «Человек-машина») называет человека «машиной, которая сама себя заводит». Но всем материалистам известно, что материя инертна и, следовательно, никак сама себя заводить не может.

5. Материя натуралистов.

Мы уже видели, что фантастическая материя материалистов есть понятие совершенно иного рода по отношению к веществу, изучаемому *натуралистами*. Однако, материалисты стараются убедить себя и других в том, что они в своих рассуждениях отправляются от

* Идеализм — философское учение, утверждающее, что нам неизвестен мир сам по себе, но лишь наше представление о нем.

данных о материи, выставляемых естествознанием. Посмотрим, так ли это.

XVIII и XIX вв. действительно представляют картину торжествующего атомизма в естественных науках. Правда, и здесь атомизм имеет значение рабочей гипотезы и царит главным образом в механике, физике и химии. Применение его в этих сферах дало блестящие результаты и сильно двинуло науку вперед. Но уже в науке о жизни (биологии), о живом веществе и вообще о различных проявлениях жизни, дело оказалось не столь простым и успешным. Механическое понимание жизни страдало догматизмом и ни разу не могло похвалиться настоящей доказательностью. *Кроме того, механическая биология (дарвинизм с его разновидностями) находилась во внутреннем противоречии с механическим естествознанием неорганического вещества в одном очень существенном пункте. Механическая атомистика дает прерывную картину мира. Мир представляется состоящим из частиц вещества, разделенных пустым пространством (мы видели, к каким затруднениям это приводит). Согласно этой картине, природа, вопреки древнему положению, делает скачки. Механическая же биология исходит из принципа непрерывности. Согласно ее утверждениям, высшие формы органического мира (животное и человек) образовались путем непрерывного и незаметного перехода из первичной органической плазмы.*

Таким образом, механический принцип в физике и механический принцип в биологии ставят себе прямо противоположные задачи и исходят из прямо противоположных предпосылок. Это уже одно показывает, какая пропасть лежит между мертвой материей и живым организмом.

Неразрешимое противоречие мы наблюдаем не только между методами решения основных задач физико-химии и механики, как учения о мертвом веществе — и биологии, как учения о живом веществе. Коренное и неразрешимое противоречие между прерывностью и непрерывностью мира оказалось перенесенным и внутрь самого неорганического естествознания, — в науку о мертвом веществе. Сущность этого противоречия состоит в том, что для объяснения строения вещества и всех явлений с ним связанных, необходимо утверждать, что мир одновременно и прерывен и непрерывен.

Мы должны утверждать *прерывность мира*, ибо и теория и опыт убеждают нас в том, что вещество состоит из корпускул, отдельных частиц (атомистическая теория есть разновидность корпускулярной теории). Частицы эти, по самому смыслу теории, должны быть отделены друг от друга пустым пространством.

Но мы должны также утверждать *непрерывность мира*, ибо в противном случае мы должны будем признать действие этих частиц друг на друга *на расстоянии*, без промежуточ-

ного вещества фактора, эти частицы соединяющего в их взаимодействии, что абсолютно непонятно и сводится к признанию непрерывного чуда.

Но не только это. В свете новейших исследований оказывается, что вещественность самих частиц (корпускул), т.е. атомов, есть нечто вторичное, производное. В основе вещества лежит неведущественный фактор.

Поясним это. Современная наука все более склоняется к теории, которую давно уже выставил Проут. Сущность этой теории сводится к тому, что в основе атомов всех элементов вещества лежит атом водорода. Этот атом сложен, он состоит из атома положительного и атома отрицательного электричества. Но *масса этих атомов определяется их электрическим зарядом и только зарядом. Никакого вещественного, так сказать, абсолютно твердого носителя у этого заряда нет. Сам заряд представляет и массу.*

Предоставим здесь слово известному современному физику проф. Грецу: «масса тела, которую мы в юности привыкли рассматривать, как самое реальное и действительное, — на деле лишь обманчивая видимость. Первые наблюдения, делаемые ребенком, когда он ударяется о край стола, сообщают ему определенное и неизгладимое впечатление действительности массы. Масса кажется ребенку так же, как и нам, чем-то наиболее ясным и первоначальным из всего, что мы узнаем о телах природы. И

вот это наиболее ясное и первоначальное мы объясняем простой видимостью. Не то, чтобы мы отрицали действие массы, как его испытывает ребенок, ударяясь о край стола, или солдат, пораженный шрапнелью. Но мы заявляем, что это действие происходит не от особого нечто, которое мы называем массой, а от электрических зарядов, носителем которого является ядро атома, и что таким образом масса не есть нечто элементарное, само по себе ясное, самостоятельно существующее, а является лишь вторичным, вытекающим из заряда, так сказать, производным заряда, не могущим существовать независимо от заряда. Короче говоря, *не масса является первичным, имманентным признаком тела, а электрические заряды*; масса же есть лишь результат этих зарядов. Кто изучал механику, тот знает, что масса с самого начала принимается за нечто непосредственно вытекающее из опыта, как данное, но не поддающееся определению. Вот эту-то непосредственность опытного данного мы отрицаем, сводя его к чему-то другому, к электрическому заряду, о котором в те времена, когда механика уже достигла процветания и была развита до совершенства, никто еще подозревать не мог, что оно-то в конечном счете является первопричиной массы * ».

* Проф. Л. Грец. «Теория атомов в новейшем развитии», пер. с немецк. Берлин — 1922 г., стр. 53-54.

Таким образом, *новейшие успехи тогного знания приводят к узению о невещественном атоме.*

Вещественность, масса — суть производные реальности. Это реальность видимости, а не существо дела. Существенным и первичным в веществе являются электрические заряды, в свою очередь сводящиеся к первичным функциям притяжения и отталкивания.

А если это так, то сущность вещества сводится к *непротяженным центрам притяжения и отталкивания*, чем во всей силе и правоте восстанавливается учение гениального философа-естествоиспытателя и математика Лейбница.

«Отдельные частицы» — вещества *непротяженны и невещественны*. Они суть монады, как об этом учил Лейбниц. В основе вещественной стороны мира лежат *силы*, а не вещество.

Но откуда эти силы, лежащие в основе вещественной стороны мира? На это никакие естественные науки никогда не ответят, да это и не входит в их задачу.

Ясно только одно: если силы эти невещественны, то и источник их и первопричина тоже невещественна. Но она существует, и порокой этого существования является столь осязательно воспринимаемый нами мир вещества. Но то, что *невещественно* и в то же время *реально существует*, в философии называется — *духом*. Первопричина вещественного мира таким образом несомненно духовна. Лишь эта

причина вечна и не знает ни начала, ни конца. Материя же, как данное, конкретное вещество, имеет начало и конец. Современная наука в связи с открытием радиоактивных свойств вещества — доказала это.

1928 г.

Проф. С. Л. ФРАНК

Материализм как мировоззрение

С. Л. Франк

МАТЕРИАЛИЗМ, КАК МИРОВОЗЗРЕНИЕ.

Воззрение, носящее название «материализма», имеет очень странную, можно сказать, почти загадочную судьбу.

Если брать материализм как теоретическое учение о сущности мирового бытия, как научно-философскую теорию, то он есть одно из немногих философских построений, о которых можно с полной достоверностью сказать, что ложность и несостоятельность его действительно неопровержимо доказаны — доказаны с той достоверностью и отчетливостью, которые присущи, например, математическим истинам. При наличии элементарной добросовестности мысли, при желании и умении отчетливо воспринимать реальность и употреблять точные понятия, несостоятельность — более того, совершенная бессмысленность материализма просто бросается в глаза, становится непререкаемой очевидностью. В этом отношении материализм подобен некоторым первобытным представлениям дикарей, — представлениям, которые держатся только на неумении мыслить, на постоянном

недомыслии, вроде, например, представления, что земля стоит на большом слоне, слон — на черепахе. Стоит только задать вопрос: на чем же стоит черепаха ? чтобы все построение сразу разлетелось, как дым. И все-таки: несмотря на то, что эта несостоятельность материализма была не только раз доказана, но неоднократно, в разные эпохи и разными мыслителями показана и изобличена, материализм не только не исчез окончательно из состава человеческих воззрений, но даже влияние и популярность его, повидимому, не ослабели. С чисто философской точки зрения представляется, например, совершенно непонятным, как немецкая философская мысль, достигшая в системах Гегеля и Шеллинга высочайших вершин умозрения, искушенная через них во всех тонкостях и сложностях лабиринта человеческого умозрения, могла внезапно — без того, чтобы кто-нибудь потрудился основательно опровергнуть эти достижения — снова провалиться в низины самого вульгарного и грубого материализма (как это случилось в 40-60-х годах XIX века). И точно так же нельзя понять с точки зрения чисто логического развития мысли, почему в России, после того, как в трудах Юркевича, Вл. Соловьева, Козлова, Лопатина и других, господствовавшие в 60 - 70 годах материализм и позитивизм были убедительно преодолены и заменены более глубокими и тонкими построениями, — материализм снова мог стать господ-

ствующей верой. Правда, можно сказать, что теперь уже не найдется ни одного философски хоть сколько-нибудь образованного человека, который использовал бы чистый материализм. И, конечно, исторически и в общей форме интересующая нас загадка постоянного воскресения материализма находит свое простое объяснение в том, что за последний век происходит непрерывный процесс демократизации, что к общественной жизни, к литературе и мысли приобщаются все более широкие слои людей, непривыкших и неспособных к тонкой и точной мысли и потому отдающих свои симпатии именно наиболее грубым и примитивным философским построениям. Такое объяснение, само по себе верное, однако неполно: оно не показывает, почему именно материализм, а не какое-нибудь другое заблуждение, более всего захватывает и привлекает к себе философски не изощренные умы. Объяснить это одной только грубостью и примитивностью материалистического учения было бы явно односторонне. Эти свойства материализма, конечно, облегчают возможность его усвоения и распространения: масса, толпа, полубразованные люди всегда предпочитают грубые и упрощенные представления более тонким и глубоким. Но отсюда никак нельзя объяснить ту страстность, с которой исповедуется вера в материализм, и ту силу ненависти, с которой его исповедники отталкиваются даже от самых

простых соображений, его опровергающих. Очевидно, в материализме есть еще что-то иное, кроме его логической грубости и примитивности, что не только делает его доступным массе, но и положительно привлекает и манит. Более того: нужно прямо сказать — в нем есть какая-то доля своей правды, — без которой он не мог бы быть предметом веры (ибо всякая, даже ложная и гибельная вера, созерцает какую-то частицу правды, которую одною она только и держится). Только правда эта плохо выражена и смешана с ложью. Материализм в этом смысле, не как научная теория, а как содержание веры, не обращал на себя доселе достаточного внимания; именно поэтому все логические его опровержения, при всей их логической же убедительности и очевидности, проходили, повидимому, мимо самого существенного в нем, именно того, что неизменно влечет к нему простые и цельные натуры; и именно потому они оставались бессильными. Задача критика материализма должна поэтому быть двоякой: помимо чисто логической критики, она должна давать разъяснение того недоразумения, в силу которого материализм для множества людей содержит видимость новой жизненной и насущной правды, стоящей выше всяких логических соображений и недоступной для них.

Наш критический очерк естественно распадается, в согласии с вышесказанным, на

две части: на критику материализма, как научно-философской теории, и на критику материализма, как предмета веры. Вторая часть при этом является наиболее существенной, первая же, в которой мы лишь коротко резюмируем давно известные аргументы, имеет для нас значение только, как предварительное расчищение пути для разрешения нашей задачи.

1. Материализм, как философское учение.

Материализм, как философское учение, утверждает, что единственная «субстанция» или основа бытия есть материя, что все подлинно сущее материально и что, следовательно, все «психическое», душевное и духовное по настоящему вовсе не существует, или существует только, как зависимое и производное проявление материальных вещей или процессов, как продукт материального мира, или как иллюзорная, кажущаяся видимость того, что на самом деле материально. Мы вынуждены дать такое многословное и многосмысленное определение материализма, потому что материализм по существу не допускает краткого и точного определения. Дело в том, что при всякой попытке такого точного определения, очень легко тотчас же обнаружить философскую несостоятельность — более того, логическую бессмысленность — его утверждения; но в ответ на такое изобличение материализм

тотчас же придумывает новую, более туманную, менее легко уловимую формулу для своего содержания. Его можно утверждать, только пользуясь какой-нибудь туманной, неотчетливой, многозначной формулировкой, которая умеет ускользать от критического анализа, как змея из рук. Попытаемся вкратце проследить за всеми или по крайней мере преобладающими оттенками, которые принимает обычно материалистическое утверждение. Для краткости и простоты представим это в форме воображаемого диалога между материалистом и его критиком.

Материалист. Все существующее есть материя, то, что нам кажется психическим, на самом деле тоже материально. Так, например, наши мысли и представления на самом деле суть не что иное, как химические, электрические и т.п. процессы в головном мозгу, зубная боль есть на самом деле гниение зуба и т.д.

Критик. Вот как ? Значит, можно, вскрыв мозг, например, при вивисекции, увидеть саму мысль ? Или зубной врач, наставив зеркальце на больной зуб, увидит саму боль ? И значит, мысль такого же серого цвета, как корковое вещество мозга, и зубная боль сама выделяет гной ? И можно сказать, что геометрическое понятие круга или прямой линии на самом деле извилисто, ибо оно, в качестве моей мысли, есть извилина головного мозга или процесс в ней ? Или, если представления возможны толь-

ко при достаточном притоке крови к мозгу, то можно, значит, сказать, что наши представления сами полны крови.

Материалист. Вы меня не поняли, или не хотите понять. Конечно, так называемое психическое по видимости отлично от материального. Этого никто и не отрицает. Я только утверждаю, что это отличие есть нечто субъективное, как и вся реальность психического, нечто вроде сна. Лучше, значит, сказать, что психического совсем не существует, оно только «кажется» нам. Так ведь и фантастические видения во сне на самом деле не существуют; существует только, например, прилив крови к голове, давление одеяла на спящего и т.п., что в мысли спящего превращается в великана, который его душит и т.д. Великан, если хотите, конечно, тоже непохож на одеяло, но в том-то и дело, что он вообще не существует, а есть только иллюзия, субъективный продукт воображения.

Критик. Отметим и запомним на всякий случай признанную и вами ложность вашей первой формулировки. Психическое, как оно нам непосредственно дано в самом переживании — все равно, «субъективно» ли оно или есть на самом деле, — по своему содержанию глубоко отлично от материального и не может быть тождественно ему. Чувства, мысли, настроения, представления, желания — все, что составляет нашу душевную жизнь — так же мало (или еще менее) похоже на материальные вещи или

процессы, как звук — на цвет, или как круг — на квадрат. Сказать, что психическое материально — так же бессмысленно, как сказать, что железо деревянно, или что квадрат кругл. А теперь обратимся ко второй вашей формулировке. Обозначение чего-либо, как только «субъективного», «кажущегося» имеет разумный смысл только в отношении таких содержаний сознания, которые выступают с притязанием на выражение или отображение каких-либо предметов или явлений вне сознания; это обозначение тогда высказывает, что такое притязание ложно. Например, если «звон в ушах» я принимаю за звонок в дверь, или содержание сна принимаю за реальность вне меня, то имеет разумный смысл сказать, что здесь — заблуждение, что испытанное мною имеет только «субъективный» характер. Но когда я высказываю, например, что у меня болит голова, или, что я грустен, какой смысл имеет сказать, что «боль» или «грусть» есть нечто только «субъективное»? Значит ли это, что этого состояния на самом деле нет? Но если я верю правдивости высказывания, или говорю о своих собственных переживаниях, то я знаю, что сказанное истинно, значит то, что в нем высказано, действительно *есть*. Иначе между симулянтом или истеричным, «выдумывающим» свои чувства, и человеком, переживающим их подлинно, не было бы никакого различия, — что явно ложно. Значит «субъективное»

может здесь означать только « существующее в сознании » или (оставляя для простоты в стороне вопрос о бессознательно-психическом) — « психическое ». Но тогда ваше утверждение есть чистая тавтология. Оно означает, что психическое есть именно психическое, что оно относится к той сфере бытия, которая называется « психической », и не должно смешиваться с чем-либо материальным. А это никто, кроме вас самих, именно материалистов, никогда и не отрицал. Но психическое, как таковое, т.е. именно во всем своеобразии его качества и формы его бытия, столь же объективно есть, как и материальное. И если человеку, действительно страдающему от боли, вы скажете, что « на самом деле » ему вовсе не больно, а это ему только « кажется », то вы нанесете ему несправедливое оскорбление и во всяком случае скажете неправду.

Материалист. Пусть будет так. Но во всяком случае нельзя же отрицать, что психическое не существует само по себе, как самостоятельная реальность. Только материальные вещи существуют сами по себе, как « субстанция ». « Психическое » же возможно только, как проявление, функция, продукт или свойство материального, именно организма, живого тела. В этом смысле материализм неопровержим.

Критик. Опять совсем новое утверждение; и мы опять вспомним, что предыдущее утверждение, будто психического совсем не существует

объективно, оказалось ложным. Что касается нового утверждения в которое отливается материализм, то в нем надо отделить верное от неверного или по крайней мере спорного. Верно прежде всего, что психическое никогда не дано нам в форме «вещи», как чего-то готового, пребывающего, тем менее — как чего-то видимого и пространственно данного. Психическое, во-первых, невидимо и неосязаемо, а только переживаемо и духовно воспринимаемо. В этом — его отличие от материального — лишнее подтверждение ложности материализма в его обычной формулировке. С другой стороны, психическое не носит характера «вещи» в смысле чего-то покоящегося и готового, а скорее характер процесса, действия, энергии, текущего становления. Но, если мы вспомним, с одной стороны, что наиболее проницательные и глубокие теории материи — как раз вновь подкрепленные в последнее время — сводят существо материи к «энергии», и, с другой стороны, что все психическое дано всегда, как принадлежность некоего целостного «я», «сознания», словом, некоего объемлющего его и как-бы несущего его конкретного единства, — то разница между психическим и материальным в отношении конкретности или «субстанциальности» бытия станет весьма относительной. И в этом смысле психическое подлинно есть и есть «в себе» не в меньшей мере, чем материальное.

Материалист. Да, но психическое производно от материального, создается последним, дано только в связи с материальным, а материальное существует самостоятельно. Мысль есть только продукт мозга, как желчь — продукт печени. Значит, основа мирового бытия все-таки материальна.

Критик. Если бы мысль была «продуктом» мозга в том же смысле, в каком желчь есть продукт деятельности печени, то она как раз была бы самостоятельной вещью, которую также можно собрать в склянку и отделить от органа, ее «произведшего», как это можно сделать с желчью. Но это и явно, до нелепости, ложно по существу, и противоречит собственному утверждению материализма о несамостоятельном, неконкретном бытии психического. Значит слово «продукт» означает здесь не «произведение» или «произведенное», а именно только *производное*. На это надо возразить двояко: *Во-первых*, эмпирическое наблюдение, свидетельствуя действительно о зависимости психического от материального (душевного состояния от состояния тела), в то же время свидетельствует и о случаях обратной зависимости телесных процессов от душевных. Всякий раз, как моя воля, мое желание приводит меня к действиям, т.е. определенным телесным процессам, мы имеем перед собой случай обратный, отрицаемый вами, зависимости тела от души; о том же свидетельствует, например,

вся современная « психотерапия », уяснившая зависимость телесного здоровья от душевного состояния пациента. Все возражения против возможности такой обратной зависимости носят предвзятый, « метафизический » в дурном смысле характер и не могут устоять перед убедительным языком фактов. Но и бесспорная зависимость душевных явлений от телесных (даже оставляя в стороне обратную зависимость) может толковаться по разному и вовсе не совпадает с отношением, по которому тело *производит*, из себя самого *рождает* душевные явления. Свет в комнате « определен » или « обусловлен » наличием окон. Можно ли сказать, что свет берется *из* окон, что окна рождают или производят свет ? Как раз новейшие точные эмпирические данные психологии и психиатрии (собранные и использованные, например, Бергсоном) свидетельствуют с большой убедительностью, что мозг не « производит » « представлений », а только регулирует их и определяет порядок их проникновения в сознание и преобладание одних над другим. *Во-вторых*. Допустим, что материя действительно производит психическое, рождает его из своих собственных недр, или — как это еще иначе формулируется — что психическое есть только « свойство » или « функция » материального. Тогда *материализм опровергает сам себя*. Ибо, что же за « материя », которая с самого начала одарена способностью рождать психическое, или к которой, в ка-

честве одного из основных ее свойств или одной из основных функций, принадлежит « психическое » ? Тут кончается уже всякая определенность понятий. Материя есть материя в подлинном смысле, только если мы ее отличаем от психического и противопоставляем ему. Если же материя в своих основных свойствах, в своих собственных глубинах содержит и психическое, то это — уже не « материя » в обычном смысле слова, а нечто гораздо более глубокое и загадочное, объемлющее обе стороны бытия — и материальное и психическое. Вы видите — материализм сколько-нибудь точно выраженный, должен прийти к сознанию, что он *вовсе не есть материализм*, что субстанция или основа мирового бытия есть нечто более сложное и глубокое, чем только мертвая, слепая, чуждая всему психическому « материя » в строгом смысле слова.

Материалист. И все-таки вы меня не убедили и никогда не сможете убедить. Каковы бы ни были недостатки моих логических формулировок, и какова бы ни была сила ваших логических рассуждений — я остаюсь при своем жизнепонимании. Дело тут вообще идет не о логической точности, а о чем-то совсем другом. Мы, материалисты, знаем, что конкретное, воплощенное, подлинное бытие гораздо первичнее, существеннее, важнее, чем всякое « сознание », « представления » и пр. А вы, против-

ники материализма, идеалисты и спиритуалисты всяких толков, живете в мире призраков, бесплотных духов, в какой-то нереальной, невоплощенной, бесплотной, а потому и бесплодной среде. Ваша теория может удовлетворить разве только каких-нибудь профессоров философии, и то только доколе они сыты, и спокойно и праздно размышляют в своем кабинете. Наша теория, есть теория живых людей, желающих участвовать в жизни, реалистов, направленных на подлинную действительность, понимающих, что значит в человеческой жизни труд, борьба с природой, нужда в пище, крове, платье, что значит телесное здоровье и телесные болезни. В конце концов совсем не важны философские, теоретические разногласия о том, есть ли материя единственная субстанция бытия или нет, а важно, чтобы глаза наши и наша воля были обращены на реальный, воплощенный, материальный мир, а не на грёзы, сны и всяческие «представления», важно, чтобы мы понимали *практическое* значение материальной стороны жизни и участвовали бы в борьбе за ее совершенствование. Согласитесь, все наши философские рассуждения совсем и не затрагивают истинности этого единственно существенного нашего утверждения.

Критик. Вполне согласен с этим, но и вы должны согласиться и, в сущности, уже признали, что — если наша критика философского материализма не коснулась того, что вам важнее

всего, — то и ваше утверждение того же « философского » или « теоретического » материализма, обнаружившееся, как ложное, в сущности совершенно не нужно для того морально-практического утверждения, которое вам так дорого и ради которого вы — по недоразумению — считали доселе необходимым проповедовать философский материализм. Этим обоюдным признанием исчерпана тема этого спора — спора о материализме, как научно-теоретическом учении о составе или природе мира. Выдвинутая теперь вами тема есть уже совсем другая. В ней тоже придется нам поспорить, но уже совсем на иной лад и с помощью других аргументов.

2. Материализм, как вера.

Приведенный выше типический спор между материалистом и его критиком приводит, таким образом, к двум результатам, предуказанным в наших вступительных соображениях: к изобличению совершенной несостоятельности материализма, как научно-философского учения о составе мирового бытия, и к уяснению, что существо и ценность материализма лежит для его приверженцев совсем не в этом теоретическом учении, а в практически-волевом моменте материалистического мирозерцания. Что это действительно так, можно убедиться еще из одного идейного соотношения, которое именно в настоящее время имеет особенной историчес-

кий интерес. Так называемый « экономический материализм », составляющий в настоящее время официальную веру, как бы господствующую государственную « церковь » советской России, и принудительно внедряемый в умы русских людей, не только *тоже* называет себя « материализмом », но как бы сосредоточивает в себе всё существо, весь яростный пафос материализма. Он связывает себя с философским материализмом (правда, отдельные экономические материалисты пытались одно время отречься от философского материализма и обосновать свое мировоззрение на релятивизме так называемого « прагматизма » или « эмпириокритицизма », но эта попытка была быстро отмечена и отвергнута, как недопустимая ересь; между тем, по существу, т.е. чисто теоретически, экономический материализм, казалось бы, не имеет, кроме имени, ничего общего с материализмом философским. Что общего, в самом деле, между учением, что общественная жизнь людей определена всецело экономическим интересом и учением, что мир состоит из одной лишь материи ? Если чисто теоретически проанализировать экономический материализм, то основа его может быть найдена в определенном *психологическом* учении — именно в учении о том, что последним двигателем человеческих действий и определяющим фактором человеческих идей является голод или корысть, но это учение ни в малейшей мере не предпола-

гает философского утверждения о том, что материя есть единственная субстанция бытия, и чисто теоретически не имеет с ним ничего общего. (Точно так же, как, например, «идеализм» в обывательском, морально-психологическом смысле, т.е. как вера в высокие, бескорыстные побуждения, не имеет, как таковой, ничего общего с философским идеализмом, как учением, что «мир есть представление»). Чтобы отыскать подлинный корень и живую сущность материализма, как веры, надо поэтому, оставив совсем в стороне материализм, как теоретическую онтологию, сосредоточиться на том, что образует философское существо и пафос «экономического материализма».

Материализм по существу есть не теоретическая онтология, не научное учение о составе мира, а вера в определенные *ценности*, утверждение определенной иерархии жизненных ценностей, некое волевое предпочтение, которое одному началу жизни отдается перед другим.

При этом критика материализма в этом смысле, чтобы быть и справедливой и плодотворной, должна, как уже было указано, отметить элемент правды, который присущ материализму, и лишь сплелся в нем с началом ложным и искажающим. Мы начинаем именно с указаний на то, что есть верного в материализме (в смысле учения о жизненных ценностях).

Материализм есть *реализм*. Конкретности

и полноте реальности он отдает предпочтение перед всем «отрепленным», «только идеальным». Истинное бытие, на котором должно быть сосредоточено все внимание человека, есть для него бытие *воплощенное*, то полное, конкретное, массивное бытие, которое есть не только предмет чистого созерцания, но которое весьма чувствительно действует на человека и на которое он в свою очередь может действовать — бытие, которое, с одной стороны, есть условие человеческой жизни и, с другой стороны, препятствие, преодолеваемое человеком также в интересах его жизни. Существенно, коротко говоря, бытие, не как объект знания, а как момент действительной жизни. Напротив, все невоплощенное, «идеальное» есть как бы царство грез и снов, нечто вроде газообразного, расплывающегося, призрачно-неуловимого бытия, которое несущественно для человека и с которым он ничего не может поделать; интерес к такому бытию и сосредоточение внимания на нем есть дело совершенно бесполезное, зря растрачивающее силы человека и ни для чего ему не нужное, бессмысленная погоня за блуждающим огоньком.

Но материализм есть «реализм» еще в другом, более узком, именно морально-волевом смысле. Он опирается на требование *трезвости*, обязанности человека считаться с действительностью, как она есть на самом деле, во всей ее неприглядности, во всей ее тягостности для

человеческих упований и желаний. Он содержит осуждение тому настроению, для которого «высшающий обман» дороже «тьмы низких истин». В интересах такой трезвости он требует открытого признания, что в мире, как он реально нам предстает, силы и потенции низшего порядка — силы слепые, стихийные — фактически преобладают над силами духа и разума, и вместе с тем образуют необходимую почву, на которой только и могут произрасти начала высшего порядка.

Мы открыто признаемся, что в обоих этих отношениях материализм прав. Реализм, и в смысле признания преимущества конкретной полноты бытия над бедностью и призрачностью чисто идеальных абстрактных и невоплощенных содержаний, и в смысле требования трезвости и неумолимой правдивости в отношении низших и темных сторон жизни — правдивости, ведущей к признанию их фактического преобладания над силами высшего порядка в нашем мире, — этот реализм есть то, что действительно ценно в материализме, та правда в нем, которая покоряет и привлекает к нему многие чистые души и о которую постоянно разбиваются притязания всяческого «идеализма» овладеть человеческими душами. Очень характерно в этом отношении то внезапное крушение власти немецкого идеализма в 40 годах 19 века, о котором мы уже упоминали выше. Грандиозные построения проницательной

человеческой мысли, подлинно могучие попытки творческих умов соорудить величественное здание невидимого, «идеального» бытия и в нем как бы растворить, растереть в ничтожную пыль эмпирическую реальность жизни — эти силы внезапно рухнули, без боя уступили простому сознанию, что все это как-то уводит человека от трезвого жизненного отношения к действительности; они были сразу побеждены неутолимой потребностью человека признать права жизни, практики, горькой жизненной нужды и необходимости трезвой и суровой борьбы с нею.

Весьма замечательно, — и это обыкновенно упускается из виду — что в обоих этих отношениях требования материализма совпадают с требованиями его духовного антипода — подлинно конкретной религиозной веры. Идеализму противостоит не только реализм материалистический, но и реализм религиозный (который люди, отравленные смутностью и ложностью материалистического мирозерцания, обыкновенно отождествляют с идеализмом или даже считают самым крайним и потому самым опасным видом идеализма). И притом реализм, которого требует и на котором настаивает религиозная вера, содержит в себе именно те два основных момента, которые мы усмотрели в материалистическом реализме.

Прежде всего религиозная вера также создает, что человеческая жизнь только тогда

здоровая и плодотворная, когда она опирается на подлинную конкретную реальность, в противоположность призрачности, слабости и отрешенности всего, что носит характер одной лишь «идеи» или «идеала». Человек должен иметь настоящую *опору* для себя, эту опору он может найти не в своих собственных «идеях», а лишь в том, что подлинно устойчиво и утверждено в себе — в некоей реальной *позве*, которая держит и питает человека. Религия также настаивает на том, что *жизнь* — подлинная, конкретная реальность бытия, осуществляемая в своих *воплощениях*, — первее, существеннее, чем идеи и всяческие отвлеченные содержания. Поэтому наиболее полные и глубокие формы религиозной веры также придают существенное значение моменту *воплощенности*. Так, церковное сознание отвергло «докетизм» в христологии — «идеалистическое» учение о том, что Христос был чистым духом и лишь «кажущимся образом» имел видимость тела. Самое учение о боговоплощении, о явлении Бога не только в человеческом образе, но и в человеческой плоти, как и учение о воскресении во плоти (в противоположность «идеализму» учения о бессмертии чистой, бесплотной души), о реальном присутствии Бога в таинстве евхаристии, о поклонении иконам, как телесным, материальным выражениям божественного образа, — все эти черты церковно-религиозного сознания свидетельствуют о том, что в некотором смысле

«материализм» (то, что Вл. Соловьев называет «Богоматериализм»), в отличие от «идеализма» и в резкой противоположности ему, составляет существенную черту церковно-религиозного жизнепонимания.

Но точно также и требование *трезвости*, честного, правдивого признания горькой эмпирической действительности во всем ее несоответствии человеческим мечтам и упованиям, составляет один из основных моментов религиозного сознания. Что мир и человек не таковы, какими они должны были бы быть, что в мире силы низшие и слепые преобладают над разумными и высшими началами, что поэтому человек обязан вести суровую борьбу с жестокими, темными природными силами — как вне его, так и в нем самом — и что, следовательно, всякая вера, не оправданная суровым жизненным делом, есть вера мертвая и лживая — все это есть также достояние религиозного реализма.

И вместе с тем, конечно, целая бездна лежит между религиозным реализмом и реализмом материалистическим. Уяснение этого принципиального различия совпадает с уяснением ложности и неудовлетворительности материалистической веры.

Совершенно верно, что конкретная, полная, живая реальность имеет преимущество — онтологическое, а потому и практически-жизненное — перед всем абстрактным, идеальным,

только мыслимым. Но разве реальность есть только в осязаемом и видимом, в том, что мы называем внешним миром? Разве не гораздо более первичную, в себе сущую самостоятельную реальность мы открываем в глубинах нашего собственного духа? Как можно было бы объяснить страх смерти и инстинкт самосохранения — вещи весьма понятные и для материализма, — если бы «реальность», нужная и ценная нам, совпадала бы только с видимой и осязаемой *внешней* реальностью? Подлинную и первичную реальность мы видим не извне, мы ощущаем и переживаем ее внутри нас самих, в бытии нашего «я», а поскольку мы сознаем наше «я» ограниченным, мы вместе с тем сознаем, что оно своими корнями укреплено в некой абсолютной непреходящей и всеобъемлющей реальности. Подлинная, конкретная и всеобъемлющая реальность не есть только та *поверхность* вещей, которую мы видим глазами и осязаем руками; она есть последняя *глубина* вещей, которую мы непосредственно сознаем в глубинах нашей собственной жизни. Кто более «реалист» — тот ли, кто признает единственной реальностью одну только видимую поверхность земли или океана, их ближайший, внешне доступный, бросающийся в глаза наружный покров, или тот, кто знает о реальности их невидимых недр, о золоте и железе в глубине шахт, о таинственных подводных глубинах? Мало «признавать»

реальность, направлять внимание на нее; надо жить в ней, надо в нее погрузиться и сознать ее в самом себе. А это значит — надо усмотреть, что всяческая «внешняя реальность» есть лишь внешняя оболочка реальности внутренней, конкретно-духовной.

Точно также любовь к бытию «воплощенному», присущая материализму, имеет несомненную ценность — но при одном непременном условии: при усмотрении, что здесь есть действительное «воплощение», т.е. что есть нечто, что при этом воплощается, и что это нечто впервые создает существенность и ценность своей внешней воплощенной формы. Плоть, тело, материя — драгоценны и существенны, как осязаемое осуществление подлинной реальности — вроде того, как человеческое лицо и тело нам ценны, когда мы любим само живое человеческое существо, в них и через них выражаемое; прах же и пыль, чистая материальность, потерявшая значение воплощения подлинной реальности жизни, есть нечто совершенно ничтожное. Так, в области экономической, технической действительности, столь близкой материалистам, вещи, материальные тела ценны либо как сырой материал для человеческого труда и творчества, либо как продукт этого творчества, т.е. либо как возможность воплощения духовной энергии, либо как уже осуществленное ее воплощение; все остальное в материальном мире есть нечто

абсолютно ненужное и ничтожное. По аналогии с этим мы должны усмотреть существенность всего материального мира в том, что он есть «плоть», осязаемое обнаружение внутренней, первичной реальности, той первожизни, которую мы непосредственно сознаем в глубинах нашего собственного духа. Наконец, что собственно придает ценность и смысл тому требованию *трезвости*, тому отвержению мечтательности и лживой сентиментальности, на котором справедливо настаивает материализм? Если бы весь мир, все бытие состояли сплошь из одних низших, слепых сил, в мире не было бы ни нужды, ни подлинно-нравственной борьбы. Нужда и борьба есть там, где силы высшего порядка восстают против сил порядка низшего; трезвость горькой правды нужна тому, кто ждет от бытия иного, лучшего и высшего, чем то, что он встречает в мире. Учиться сдерживать свои порывы, умерять себя и считаться с фактическим строем действительности должен тот, кто с самого начала как бы выходит за пределы этой действительности. Животному, существу, стоящему как бы на одном уровне с природным миром и насквозь состоящему из его сил, бессмысленно было бы проповедовать трезвость, внимательное отношение к эмпирической действительности — оно ведь и не знает ничего иного, оно целиком погружено в эту действительность. Трезвость есть некое правило *духовной* гигиены в отношении человека к

миру; она предполагает, тем самым, наличие некой духовной инстанции, которая сама по себе несоизмерима с миром и стремится выйти за его пределы, забыть суровую необходимость, с которой он навязывается духу.

Таким образом, в самом требовании трезвости «реализма» заключено признание наличия *двух нагал, двух уровней* бытия. С другой стороны, трезвость ведь не может быть тождественна с требованием абсолютной покорности, совершенного приспособления и подчинения активного духа фактической действительности. Это означало бы *отказ* от борьбы, капитуляцию высшего перед низшим. В умонастроении самого материализма требование трезвости, разумного и правдивого пессимизма сочетается с требованием борьбы за улучшение жизни, с оптимизмом в смысле веры в возможность и необходимость этого чаемого лучшего состояния. Трезвость относится лишь к методам, как бы к тактике борьбы; она не может выражать последней цели человеческого отношения к миру. Но здесь именно мы наталкиваемся на глубочайшее противоречие материалистического миросозерцания. Будучи в области практической, социальной и вообще человеческой жизни оптимизмом, верой в необходимую и даже скорую победу разума, добра и правды над низшими силами зла, неправды и слепоты, — это миросозерцание в области космической, вселенской жизни исповедует и проповедует,

напротив, единодержавие и непобедимое могущество одних только низших, слепых сил. Человек по своему существу есть только пыль и прах, как и весь остальной мир; и он-же должен победить весь мир — и внешнюю природу, и весь хаос и беспорядок своей собственной человеческой жизни — и стать властелином и разумным руководителем мира. Одно с другим абсолютно несовместимо. Пусть человек есть бунтарь — пусть его сила лежит в дерзновении его воли, восстающей против всех слепых сил и покоряющей их себе, — но в таком случае эта воля, ведущая борьбу с природой, подлинно *есть* — и притом *есть*, как инстанция бытия, иная и высшая, чем весь эмпирический мир. Восставая против сил низшего порядка, он действует с помощью сил иного, высшего порядка: и если здесь правомерен оптимизм, вера в конечную победу, — то она предполагает веру в *онтологическое превосходство* сил высшего порядка над силами порядка низшего, разума над слепотой, правды над неправдой. Она предполагает веру в то, что в лице человека и его разумной воли даны подлинно *сущие, реальные* силы и потенции, и притом силы более *могущественные*, следовательно соответствующие более глубоким и первичным инстанциям бытия, чем слепой эмпирический мир.

Раз уяснивши это, нельзя не поражаться той слепоте, с которой материализм может сочетать практический оптимизм, настроение бод-

рости и уверенности в себе, с универсальной философией *пораженчества*. Ибо, что иное, как не «пораженчество», есть требование верить, что основа бытия вся сплошь — слепа и мертва? Так, например, витализм в биологии — учение, что в живом организме есть некий истинно живой и творческий корень, не сводимый к мертвым физико-механическим силам, — отвергается материализмом, как ложный идеализм. Человек, значит, как и всякий другой организм, есть просто машина, могущая действовать только, как заведенный часовой механизм. Свобода воли, не говоря уже о возможности притока высших, благостных сил, помогающих человеку и исцеляющих его от его природной немощи, отвергается, как фантастика. Человек есть целиком и насквозь — продукт условий своей жизни, продукт среды и действующих на него и в нем внешних слепых сил. И вместе с тем от человека не только требуется величайшая активность, воля к преодолению всех сил, препятствующих победе его разума, его стремления к правде, но и утверждается, что этой активности заранее обеспечена победа. Как согласовать одно с другим? Правда, материализм, в лице марксизма, делает попытку обойти это противоречие своим учением о том, что «пролетариат» самой случайной и слепой силой экономических условий своей жизни доводится до того, что оказывается носителем прогресса, победоносным осуществителем правды и разума

в человеческой жизни. Но надо быть уже совсем ослепленным своей верой, надо с совсем закрытыми глазами, с приглушенной и подавленной мыслью отдаться этой вере, — которая как раз и есть тот усыпляющий « опиум », с которым материалисты сравнивают (по полному непониманию) религию, — чтобы успокоиться на таком легком и обманчивом объяснении. Разве из наблюдения самой жизни не уясняется то, что всякой правдивой мысли ясно с самого начала — именно, что пролетариат, как всякий класс, как все люди вообще, отравлен пороками, подвержен слабости и бессилию, поскольку он есть только « продукт » внешней экономической жизни ? Разве рабочим, просто, как людям, не присущи в той же мере лень, эгоизм, мелочность, невыдержанность воли ? Разве для того, чтобы стать героями и подвижниками, им не нужно самовоспитание, борьба в себе самих со слепыми, темными силами, обрекающими их на вечное рабство ? Откуда же они возьмут сил для этой борьбы, если косные и слепые силы мертвой материи исчерпывают все их бытие ?

Материализм воображает, что он есть философия, бодрость, юная сила, плодотворная активность — в противоположность бессильной и бесплодной мечтательности старых дев. В действительности он только *хочет* быть такой философией, а на самом деле есть проповедь бессилия, вечной импотентности творческого

духа, вечного унижения человека. Его вера в торжество человеческого духа есть *утопизм* — вера слепая, ни на чем не основанная, некое умственное опьянение, от которого рано или поздно с горьким похмельем пробуждается человеческое сознание. Он воображает, что он преодолел те оковы, которые, по его мнению, налагает на человеческую свободу, на человеческие надежды религиозное сознание. На самом деле он отвергает в религиозном сознании всё, что — открывая человеку видение более глубокой, более подлинной, близкой его духу реальности — окрыляет человека и дает ему уверенность в том, что он не одинок в своем стремлении к добру и разуму, что силы, которыми он при этом пользуется, в конечном счете *действительно сильнее* всех слепых и мертвых сил мира. Но он оставляет и принимает из всей религиозной веры только то, что — взятое в отдельности, вне связи со всем остальным ее содержанием — способно угнести человеческий дух и влить в него отчаяние и бессилие. Ибо единственное из содержания религиозной веры, во что, отбросив всё остальное, верит материализм, и что составляет само его существо, это слова: «ты — земля и в землю отойдешь». Весь человек, со всеми его лучшими устремлениями, есть только земля, прах и пыль; ясно, что при этой вере все достижения человека — только карточные домики, разлетающиеся от малейшего дуновения.

Таким образом, то что есть здорового и верного в устремлении материализма, находит свое разумное, обоснованное осуществление только в том всеобъемлющем реализме — в религиозном реализме, — который знает и видит всю подлинную полноту реальности в ее последних глубинах, близких человеческому духу и питающих его. И напротив, то, что действительно содержится в материалистическом мирозерцании, при подлинно правдивом и разумном его продумывании до конца, навсегда лишает человека тех упований и возможностей, во имя и ради которых в непостижимом ослеплении создают замысел материалистической веры. Материалистический реализм есть ложное откровение бессилия и ничтожества человека, и именно в нем всякий человеческий идеал становится бессмысленной, утопической фантастикой.

Религиозный же реализм есть откровение *достоинства* человека и подлинной реальности источника его творческих победоносных сил. Две веры противостоят здесь друг другу — пусть каждый, поразмыслив честно, скажет, которая из них есть « опиум для народа ».

1928 г.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Н. А. Бердяев — Марксизм и религия . . .	5
Н. А. Бердяев — Правда и ложь коммунизма .	63
В. Н. Ильин — Материализм и материя . . .	107
С. Л. Франк — Материализм как мировоззрение	143